

**Манучер
Парвин**

**ИЗ
СЕРОГО**

Концерт для нейронов и синапсов

Манучер Парвин

Из серого. Концерт для нейронов и синапсов

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12079267

Из серого. Концерт для нейронов и синапсов: Страта; СПб; 2015

ISBN 978-5-906150-23-3

Аннотация

«Из серого» – это необычная история любви красавицы-невролога и учёного, специалиста по общественным наукам, который судорожно пытается постичь неврологию перед тем, как лишится памяти из-за ранней болезни Альцгеймера. В романе исследуются разум, сознание, мораль, память, биохимия любви и счастья, сексуальность во всех проявлениях, душевные болезни, взаимоотношения между искусственным и биологическим сознанием. Происхождение Бога в человеческом разуме исследуется на радость как верующим, так и неверующим ни во что. Герои веселятся, беспокоятся и печалются, и всё это подано так остроумно, что даже читатель с каменным сердцем не сможет не смеяться и не плакать. Соки жизни вытекут из серого и превратятся в космический коктейль.

Манучер Парвин, человек с энциклопедическими знаниями, является автором четырех ранее опубликованных книг.

«Алетофобия» (боязнь правды) – это остроумная критика политических и научных свобод в США проницательным человеком. «Дардэдель: Руми, Хафиз и любовь в Нью-Йорке» была очень хорошо встречена литературным сообществом. Две его первые книги, получившие высокую оценку, «Плачь о моей революции, Иран» и «Авиценна и я: путешествие духа», были недавно переизданы. Парвин выступал по радио и телевидению по всему миру, включая каналы NBC и PBS, как научный обозреватель. Он основал «Иранский шахматный журнал» и до сих пор может играть в шахматы вслепую. Он считает, что продолжает развиваться, и говорит, что у него больше недостатков, чем достоинств. Вы можете связаться с ним по адресу: www.mparvin.com

Содержание

От автора	7
Пролог	19
Пробуждение	20
Глава 1	29
Глава 2	50
Глава 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Манучер Парвин

Из серого

Концерт для

нейронов и синапсов

*Посвящается моему сыну, доктору Рузбэ Марку
Парвину который знает...*

Manouchehr Parvin

Out of the Gray A Concerto for Neurons and Synapses

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

All rights reserved No parts of this publication can be reproduced, sold or transmitted by any means without permission of the publisher.

© Парвин Манучер, 2015, текст

© Жукова Мария, 2015, перевод с англ.

От автора

Я научился читать через пару лет после того, как научился ходить и начал говорить. Можете считать это удачей, можете считать, что мне не повезло, но это моя судьба. Начинать что-либо всегда трудно, но для меня оказалось несложно начать читать. Ещё через пару лет, когда мне было пять, я начал писать эту книгу, ещё не зная, что я её пишу, не зная, как вообще пишут книги. Это был бессознательный процесс, неведомый для меня. Может, вы захотите услышать историю создания этой книги.

История создания романа

Когда я рос, я видел, что моя мать живёт по вере. Она была истинной мусульманкой, она никогда не пропускала ни ежедневную молитву, ни день поста. Мы жили в Тегеране, рядом с нами проживали евреи и христиане. Мы, дети, общались и играли друг с другом, как будто являлись авангардом общей тенденции к смешению всего и всех. Я узнал о Троице и роли в ней Иисуса Христа от одного маленького армянина, с которым вместе играл. Я был поставлен в тупик и спросил у отца, почему Библия и Коран, считающиеся священными книгами мусульман, расходятся по вопросу Иисуса – в Биб-

лии он считается Сыном Божиим, а в Коране – пророком. По словам отца, Христос говорил, что все мы – дети Божьи, и, возможно, из-за этого столетия спустя христиане заявили, что Христос – это сын Божий.

– А что случилось с остальными Божьими детьми? – спросил я.

Отец всплеснул руками и сказал, что он на самом деле не знает разницы между тем, что означает быть Божьим ребёнком и сыном Божиим! Затем он сказал, что мне следует поговорить с муллой. Я задал тот же вопрос мулле.

– Пойди и прополощи рот, Манучер! – ответил он мне.

Я цитирую его слова, потому что никогда не смог их забыть и потому, что они изменили мою жизнь. Таким образом моя религиозность получила смертельный удар и начала исчезать, подобно красивой осени, лист за листом, но одновременно росло и моё любопытство к религии. Я много читал и задавал вопросы, например, почему разных детей обучают разным религиям, утверждая, что они и есть истинные. Так отец Иисуса создал Вселенную или нет?

Я размышлял, почему раввины, священники и муллы не соберутся вместе и не попытаются сгладить имеющиеся между ними различия путём дружеских дискуссий! Да, это глупая мысль, но я был очень молод, невинен и полон оптимизма. А что ещё хуже, я обнаружил, что есть и другие религии, в которых представляются другие истории происхождения мира. Никакого Адама, никакой Евы, никаких фиговых

листочков, никакого змея и никакого яблока! А самым худшим было обнаружение мною того факта, что все истории о происхождении мира, основанные на вере, расходятся с научными теориями происхождения Вселенной, о которых я узнал от профессора физики. И я также узнал, что научная история происхождения Вселенной меняется после новых открытий, в отличие от истории происхождения мира, представленной в священных книгах, которая зафиксирована раз и навсегда и остаётся неизменной.

Сегодня я спрашиваю себя, почему ложные представления, взгляды и принципы политических идеологий, национализма и в особенности религий так устойчивы. Почему лишь относительно небольшое количество людей из тех, кому вера прививалась с детства, когда-либо ставят её под вопрос или отказываются от неё. Люди убивают и становятся жертвами, словно различная вера трансформирует их в различные виды хищников и дичи. Каким образом человеческий мозг становится разумом, который, в свою очередь, изобретает оружие массового поражения и таким образом становится виновником смерти людей?

Я думаю, что люди поражены алетофобией – боязнью правды. Если бы алетофобии не было, то это подорвало бы статус-кво и привело бы к конфликту между отдельными личностями, обществами и нациями.

Я продолжал писать и писать эту книгу у себя в сознании по мере того, как взрослел, не зная, что я её пишу, и не зная,

почему я её пишу, и что именно я пишу. Я думал и думал над тем, как предотвратить трагедии, которые являются результатом внушения определённых ложных идей, которые оседают в мозге. Молодым учёным я решил провести исследование по политической экономии и причинам социальных конфликтов и беспорядков и опубликовал результаты.

Прошли годы, и одну прекрасную женщину, самого дорогого мне человека, сразила душевная болезнь, будто выстрел из ружья. Я не мог понять, что произошло с её пытливым и прекрасным умом. Таким образом, эмоциональная мотивация и концептуальная основа этой книги были зацементированы до того, как родилось первое слово.

Я начал искать ответ. Я думал, что если не смогу найти исчерпывающий, то, возможно, найду хотя бы частичный. Разум вызывал у меня любопытство с раннего детства, а теперь мною двигало сильнейшее желание узнать больше о психологии, психиатрии, неврологии и сознании вообще. И если раньше я отлынивал от лекций от скуки во время учёбы, теперь я обратил свой взор на Профессора Книгу. Это самый лучший учитель, поскольку он повторит то, что вам нужно, столько раз, сколько вы спрашиваете, и не выскажет ни малейшего недовольства!

Реальность, в которой живёт человек, и мозг человека совместно формируют человеческий разум. Но и мозг, и реальность отличны в случае каждого отдельного человека. Поэтому каждый разум уникален. Соответственно, так сказать,

объединение разумов является сложной задачей. Я думал о том, как соединить маленькие части для получения мирового разума во благо всего мира и для отторжения мирового зла. Как мы можем коллективно подняться и превратиться в новый вид – тот, который свободен от алетофобии и свободен от лёгкой шизофрении, вызванной внушением определённых идей. Внушение определённых идей, как галлюциногены, вызывает различное восприятие реальности и различную веру, и таким образом различную индивидуальность.

Где-то на смене тысячелетий я начал по-настоящему писать эту книгу, много версий которой уже существовало у меня в сознании. Откуда появляются сознание и мораль? Почему и каким образом возникла и получила своё развитие вера в Бога? Являются ли память, любовь, счастье, конфликты и душевные заболевания всего лишь биохимическими процессами? Если да, то каким образом и что такое биохимия? Обречено ли человечество на самоуничтожение? Ответы скрываются, но их поиск может дать много открытий и оказаться стоящим и полезным. Давайте включим наши фонарики!

Если не считать составляющие сюжета, то это роман-факт. Мир, как я его вижу. Мои «я», которые я исследую. Факты, как я пытаюсь их интерпретировать. Моей мотивацией является моё сильнейшее желание подобраться к истине настолько близко, насколько возможно, учитывая мою ограниченность и ограниченность нашего времени. Вы заметите, что

я всё ещё ребёнок. Я всё ещё нахожу везде вопросительные знаки – даже на клюве пеликана. «Почему он у него такой длинный? – задумался я, когда впервые увидел пеликана. – Он со временем будет становиться всё длиннее и длиннее, чтобы достигать дна океана и ловить последнюю оставшуюся рыбу?»»

Я надеюсь, что годы преподавательской деятельности помогли мне научиться упрощать сложные идеи. Я чувствую потребность поделиться этой захватывающей историей, «Из серого», с вами. Я больше не могу держать её у себя в сознании. Я чувствую, что должен выпустить её, как пружину, из серого, чтобы она также угнездилась и в других разумах. Я даже думаю о том, чтобы бросить её в море рыбам, а также в воздух птицам!

Благодарность от автора

Я в долгу перед всеми мыслителями прошлого. Цивилизация подобна осадку. Мы тоже выпадём в осадок, переходя из порошка в глину в руках Художника Времени. Так что давайте радоваться нашей пытливости, пока мы всё ещё можем чувствовать, наделены сознанием и нам только предстоит выпасть в осадок!

Я хочу выразить благодарность родственным душам, которые мне помогали и разрешили себя упомянуть. Спасибо, профессор Джолита Кавалиунас, Леора Доурафи, Мау-

ри Sommer Бринбаум, за ваши продуманные замечания по предварительным наброскам книги. Спасибо, Барбара Биенна-Фризе, за различные подсказки и советы во время чтения всей книги, когда у меня уже устали уши и плыло сознание. Спасибо, доктор Марк Рузбэ Парвин, мой дорогой сын, за то, что появлялся в романе как реально существующий персонаж, который бесконечно задавал мне вопросы, как и я сам бесконечно задавал вопросы своему отцу. Спасибо, Тереза Кенни, за всестороннюю поддержку. Спасибо, Мюррей Макдейд, за обучение меня упражнениям Тай Чи и настройку моего компьютера – требовалось справиться с глюками, при помощи которых Бог хотел меня поддразнить, пока я дразнил Его, просто для того, чтобы Он прекратил хмуриться и улыбнулся мне. И спасибо Тебе, Боже, за то, что часто появляешься в этой книге, и за то, что позволил мне пожить, пока я её не закончил! Спасибо, доктор Пегги Брайтман и Макс Свафффорд, за ваши подсказки по доработке этой книги, чтобы она превратилась в искусно выращенное дерево и прожила дольше, чем живут обычные деревья, благодаря этой работе. И ещё раз спасибо вам обоим, Пегги и Макс, за всю ту головную боль, которая у меня возникала, когда я думал о природе науки, веры, литературы и их взаимосвязи внутри нейросферы.

Спасибо вам, пророки, учёные, философы, у которых я учился, в особенности те, с которыми я встречался лично и разговаривал. Отдельная благодарность неврологу и мысли-

телю Хосе Рафекасу за информативное общение по поводу идей, связанных с неврологией. Спасибо вам, профессор Ферейдун Фэмили, за то, что поняли мою идею и превратили её в самую выразительную обложку, которую я когда-либо видел, настоящее произведение искусства – неожиданный подарок мне, издателю и читателям. Спасибо вам за то, какой вы есть – великий учёный, художник, учитель, друг и эрудит.

Я должен признаться своим читателям, что, переживая эту историю, проводя исследования для написания книги и создавая её, я запустил эволюцию в своём сознании и морали. Она подняла завесу, состоящую из тумана и ложных концепций, и превратила кое-что неизвестное в известное для меня, в то время как также породила и новые неизвестные. Для меня эта книга является крошечной эволюцией у меня в сознании в рамках большой эволюции за пределами моего сознания, которая несёт человечество в полное света место типа Плеяд или погружённое во тьму место типа чёрной дыры.

Часть выделенных курсивом слов в этой книге – новые слова. Они выделены для того, чтобы никто не бросался к словарю для бесполезного поиска. Также выделен курсивом и ряд известных слов и концепций для того, чтобы их особо подчеркнуть.

А теперь аперитив перед чтением книги: стихотворение профессора Пируза, который любит истину и любит Джульетту:

Скажи мне, тайна мироздания,
Скажи мне, Старая Река,
Откуда ты течёшь, сознание?
Где будешь ты через века?

Манучер Парвин
27 июня 2010 года

Предисловие к русскому изданию

Я пристрастился к чтению ещё в школьные годы. Я читал так же жаростно, как слоны жуют растения. Меня очаровала персидская поэзия, мировая литература и в особенности русская литература, которую я читал в переводе. Я слушал персидскую и мировую классическую музыку, в особенности русскую классическую музыку, которая, как и вся хорошая музыка, связана с желанием любви, мира, истины, красоты и единения, которое испытывают люди. Меня очаровывали и другие виды искусства. Этот интерес повлиял на мои романы. Например, мои герои слушают музыку и высказываются о ней. То же самое можно сказать и о живописи, кинофильмах и так далее.

В современном мире искусство, наука, техника, политика, философия и вообще все события, происходящие на международной арене, входят в повседневную жизнь и таким обра-

зом влияют на чувства и мысли, а следовательно, и на личности героев, и это происходит постоянно! Но романы игнорируют ряд отличительных черт реальности, причём иногда в такой степени, что реальности в них не остаётся! Это напоминает мне еду без питательных веществ. С другой стороны, если книга обогащается искусством, науками, поэзией, политикой и так далее, то становится настоящим произведением искусства – отличным питательным веществом для разума и души. Сюжет должен быть полон драматизма, чтобы заинтересовать читателя, но события, происходящие в романе, – это ещё не всё.

Мой жизненный опыт, исследования в разных областях науки и многочисленные публикации помогают мне и позволяют мне попытаться создать в полной мере произведения искусства. Я думаю, что новые идеи могут быть такими же побуждающими и такими же возбуждающими, как сюжеты, в особенности для читателя, который хочет потратить своё время и силы не только на развлечения.

Когда я узнал, что мой роман «Из серого: концерт для нейронов и синапсов» был принят для публикации в России, мне хотелось прыгать до небес от радости. Я стольким обязан русскому искусству, оно многому научило меня и принесло много радости, и этот роман будет только небольшим ответным подарком. Я должен признать, если могу это сказать, что чувствую гордость, внося этот пусть малый вклад в культуру, которая вызывает восхищение, и культуру не только старой,

но и современной России. На протяжении последних шести лет я проводил часть лета в России. Я заметил большой прогресс во всех областях жизни.

Однако всё было не так просто с переводом и публикацией, и кое в чём мне просто повезло. Двое удивительных людей, которые читали мою книгу на английском, занялись её продвижением и показали её моему издателю, Сергею Деменку, который сам является творческой личностью, интеллектуалом и имеет немало опубликованных работ.

Спасибо Татьяне Пучковой (биофизик) и Александру Пучкову (невролог) за то, что обратили внимание издателя на этот роман. И спасибо вам обоим за то, что прочитали перевод романа перед публикацией на русском языке.

Спасибо Барбаре Биения за дружбу и поддержку на протяжении многих лет и редакторскую правку.

Спасибо Марии Жуковой за приложенные усилия по переводу с английского сложной литературной работы, полной новых слов и представляющей новые концепции! Я уверен, что ваша работа облегчила мне общение с пока неизвестными мне будущими русскими друзьями!

Спасибо Елене Быстровой за придание поэтической формы стихам, которые Мария переводила в прозе.

И спасибо Игорю Калинину за организацию работы и направление всех усилий к достижению цели.

И спасибо тебе, читатель, за твоё щедро потраченное время и усилия!

Мне хочется закончить это вступление размышлениями, основанными на отзывах моих англоязычных читателей. Эта книга символически перенесёт читателя в места, где он никогда не бывал. Исследования, которые я проводил для её написания, работа воображения, размышления о книге и непосредственно написание привели меня к экзотическим идеям, все из которых были для меня в новинку. Я надеюсь поделиться с вами этим творческим опытом.

Я наслаждаюсь красивой осенью в парках Москвы, когда пишу это предисловие.

Манучер Парвин

Пролог

Я – сущего частица.
Смотрю на мир извне,
И весь он отразится,
Как в зеркале, во мне.
Когда я размышляю
И думаю когда —
Бытиё в себя вмещает
Сознание без труда.
Легко и неустанно
Бытиё свой путь творит:
Моими же устами
Со мною говорит...
И каждая минута
Земного бытия
Докажет вновь кому-то,
Что значит – жив и я.

Из стихотворения профессора Пируза «Лекция Пустоте»

Пробуждение

Вечность и бесконечность сжались до одной точки. Бытие ждёт, чтобы начать быть. Бог отправился домой, очевидно, забрав с собой мою душу в качестве сувенира.

Времени нет. Пространство пусто. Звуки заглушены. Движения остановлены. Смерть как будто умерла. То, что существует, не имеет цвета, запаха, вкуса, формы и не чувствует боли. Я чувствую себя ничем и никем. Но как такое может быть, если у небытия нет чувств?

Внезапно Пространство трескается, как яйцо. Время выдувается. Его сердце пульсирует. Оно хлопает короткими, мокрыми крылышками. Я прихожу в сознание. Значит, Бытие становится более сознательным. О-о, это то, что происходит с мировым разумом – моим разумом здесь и сейчас.

Надо мной висит бледное солнце, которое не больше электрической лампочки. Призраки с застывшими гримасами вылетают из туманных стен мавзолея и улетают обратно. У меня нет мыслей. Никаких воспоминаний. Внезапно стрелка часов, чёрная и тонкая, как змеиный язык, атакует следующую секунду, как будто несчастного комара. Рождается Великое Здесь и Сейчас. Я чувствую облегчение. Я – больше, чем ничто! Это показывают часы, которые идут и идут. Это показывают призраки, их гримасы превращаются в осторожные улыбки. И теперь я начинаю чувствовать, что я чув-

ствую, и теперь Бытиё начинает ощущать себя через меня, как ощущает себя через другие разумы.

Я существую. Но где? В какой форме? В каком времени и пространстве? И в чьём сознании? Я такой же, как был раньше? Профессор средних лет по имени Ферейдун Пируз? У меня всё ещё остались глаза шоколадного цвета? Мои усы? Непокорные кончики которых ползут вверх, напоминая двух счастливых гусениц, когда я улыбаюсь? А где я был? В Огайо? На великом острове бесконечных тайн, именуемом Америкой? А время сейчас то же? То, когда закончился двадцатый век и двадцать первый ещё только начинался? А я такой же, каким был? Беспокойная душа, у которой постоянно проблемы, в которых виноват я сам? А душа у меня та же, даже хотя её украло неизвестное неопределимое или бросило известное неопределимое – Бог?

Мои вопросы, хотя на них нет ответов в настоящий момент, дают мне надежду. Я – часть того, что существует, поэтому мои

Вопросы – это пытливость Бытия, желающего узнать о Бытии.

Невыносимая тишина заставляет меня спросить у призраков:

– Я – профессор Пируз или я – маленькая счастливая ласточка, которой я когда-то мечтал стать? Чтобы быть способным добраться до высших точек понимания?

Я не слышу никаких ответов; хотя я вижу, как у них шеве-

лятся губы. Значит, язык существует, но звуки умерли. Может, в таком случае я – не счастливая ласточка, а несчастная сорока, наказанная за то, что слишком много болтала в прошлой жизни. О-о, я думаю! Как поразительно эти бездумные атомы поднялись из инертности и создали эту иллюзию личности и свободны воли.

Думать – это значит, что Бытиё размышляет о Бытии.

Я открываю глаза так широко, как могу, чтобы сразу же увидеть весь мир. Я вижу, как вокруг меня толпятся призраки, подобно студентам во время научного эксперимента. Значит, я вижу. И я также слышу голоса. И я чувствую знакомый запах духов.

Я прикасаюсь к своему лицу. Всё на месте, все знакомые черты, полностью. Я чувствую солёное в своем сознании. Кислое. Сладкое. Словно вкусы – это жизнь, словно вкусы – это отдельное ощущение. Цвета возвращаются по одному. Красный – стоп, жёлтый – осторожно, зелёный – вперёд. Все цвета сливаются в радугу надежды. Мои уши помнят, что значит слышать, они помнят звуки музыки, которую я люблю слушать. Нос вспоминает, что такое чувствовать запахи, гулять в цветущем саду и получать от этого радость. Мои пальцы касаются всего и ничего. У кожи ощущения, как будто я только что родился, но в лучшем мире, чем тот, который я покинул. Мой разум создаёт реальность? Или реальность создаёт мой разум? Или и то, и другое смотрят друг на друга

из скрытого кривого зеркала?

Если я ценю Бытие, то Бытие ценит себя.

Я постепенно полностью прихожу в сознание, как будто бы я – первая африканская обезьяна, которая произнесла судьбоносные слова: «Я – это я, и ещё существует не-я». Я собираюсь с силами, которые у меня есть, и кричу шёпотом:

– Я со стороны жизни или со стороны смерти?

– Со стороны жизни, – отвечает голос. – В больнице.

– Я – тот же самый Пируз?

– Да, к счастью или к несчастью.

Теперь я чувствую, как кто-то держит меня за руку. Прикосновение так успокаивает, что я знаю: я всегда буду его помнить. Ощущение чем-то напоминает ощущения от первой любви:

Любовь – это этос Бытия.

Радость от того, что я жив, возрождает мой ум. Тому, кто держит мою руку, я говорю:

– Я – мёртв, а вы?

Призраки хихикают, как девчонки на ночном девичнике¹. Внезапно огни, звуки, мысли и страхи заполняют моё сознание – это напоминает побудку бойскаутов по звуку горна, чтобы встречать рассвет нового дня. Я не могу быть мёртв, так как мёртвые не спрашивают, мертвы ли они. Ведь быть живым – это быть в сознании каким-то необъяснимым обра-

---

¹ Ночной девичник (*амер.*) – ночёвка школьниц в доме одной из них, проводится преимущественно в болтовне (здесь и далее – примечания переводчика).

зом? Разве это не логично?

Призрак в зелёном превращается во врача. Она касается моего лба и говорит:

– Я люблю тебя, Пируз.

Это она держала меня за руку всего минуту назад? Интересно, а почему она плачет? Врачи не плачут, когда умирают их пациенты. У них просто нет такого количества слёз. Смерть для них подобна дождю. Они открывают зонтик, прячутся под ним и идут дальше по жизни. Я знаю эту женщину? Я умер за неё, не умирая?

Другие призраки превращаются в медсестёр. Небо твердеет и превращается в выложенный плитками потолок палаты реанимации. Из моих рук торчат пластиковые трубки, напоминая усики душистого горошка, по ним не течёт никакая жидкость. Моё любопытство и беспокойство нарастают. Моё сознание пробуждается. А стоило ли меня спасать? И я уже спасён? Я говорю себе:

Сознание – это тайна Бытия.

Но затем я сразу же не соглашаюсь с собой! (Я привык противоречить сам себе, это просто беда.) Кажется, что моё постепенное пробуждение показывает, что моё сознание определяется тем, что я могу, и тем, что я не могу. Я продолжаю *пробуждаться* и *пробуждаться*, пока на меня не накалывают пугающие воспоминания.

– Я пытался совершить самоубийство? – спрашиваю я.

– Да, – говорит врач. – Пытался.

Смерть – это чёрная дыра. Она засасывает всё в тёмную воронку, из которой не убежать. Когда-нибудь небо станет кладбищем мёртвых звёзд. Мёртвых планет, мёртвых вероисповеданий и мёртвых богов, и мёртвых душ. О-о, как я надеюсь, что ошибаюсь, – поскольку, похоже, мне только что дали второй шанс.

Побывав на грани смерти, почти умерев, я стал другим человеком, которого мне предстоит узнать? Это воскрешение? Души сделаны не из камня. Но они напоминают мастику? Воск? Они податливые и мягкие? О-о, я анализирую и синтезирую. Я напоминаю паука, плетущего паутину, я устанавливаю мост от незнания к знанию, мост от знания к знанию большего, я разрушаю связи и снова соединяю пространства, времена и идеи, снова и снова.

Когда эти невольные мысли заполняют моё пробуждающееся сознание, я вижу, как красива врач, которая стоит у моей постели. Как возбуждает один лишь взгляд на неё! Реальность – это не только одна боль. О-о, я различаю красоту и оцениваю красоту. Значит,

Оценка – это нарциссизм Бытия.

Как красиво сознание, и как трагично то, что оно обременено порождёнными нами самими и принесёнными нами самими ложью и обманом. Итак,

Обманы – это заблуждения Бытия.

Врач кажется знакомой. Электробиохимические сигналы подают признаки жизни у меня в мозге и превращаются в

вопрос, который я не задаю вслух:

– Кто эта женщина? И почему у неё в наполненных слезами глазах столько радости и надежды?

Мне приходит в голову, что у моего разума имеется свой собственный разум. Выборы, которые я делаю, зарождаются в моём бессознательном – если это не так, то кто или что заставило меня ползти к аптечке, искать нераспечатанную упаковку снотворного и пытаться её распечатать? Кто заставил меня сесть в мою красную «Тойоту», слушать похоронный марш Шопена у себя в сознании, запивать снотворное гранатовым соком, закрыть глаза и держаться за руль, одновременно представляя, что я вот-вот отправлюсь в места, где никогда не был, – и всё это, даже не повернув ключ в замке зажигания?

Кажется, у меня есть неконтролируемое желание выяснить, что происходило за пределами моего разума и что происходило внутри него. Чтобы я всё это мог рассказать землетрясениям и ураганам. Чтобы я всё это мог рассказать священным книгам и звёздам, неподвижно висящим на одних и тех же местах. Чтобы я мог рассказать это нерождённым гуру и застенчивым внеземным существам. Чтобы я мог рассказать это вам. Чтобы я мог рассказать это себе.

Почему мы хотим рассказывать наши истории? Является ли рассказывание историй борьбой с целью ухода от одиночества? Чтобы избежать изоляции, пусть и временной? Чтобы избежать попадания в гроб до наступления смерти? Это

попытка посмотреть на собственные похороны? Как возбуждающе! Как невероятно.

Воображение – это важная вторая половинка Бытия.

Моя воля – сделать это и не делать то – пробуждается. Каким образом наш разум обладает парадоксальным ощущением свободы воли? Управляет нашими телами? Управляет реками, огнём и лесами? Управляет верой других? Каким образом кусок легко разрушаемого серого вещества предсказывает, управляет или разрушает другую материю? Создаёт новую материю? Создаёт новые идеи? Человек – это машина, которая знает, что это машина с волей летать в космос и за его пределы? О-о, я чувствую, как бурлит моя решимость:

Сила воли – это решительность Бытия.

Скажи мне, мой *мозг*, как ты нашёл свои *дополнения*, *вселенную* и *историю*, и интегрировался с ними, чтобы стать моим *разумом* за короткий период, который составляет моя жизнь? Каким образом твои многочисленные кузены, размером с кокосовый орех, вытащили цивилизацию из шляпы времени, как делают фокусники? В чём твоя магия? Что это за история? Зачем все эти страдания? Откуда они появляются? О-о, я попытаюсь понять природу мыслей, которые меня раздражают, попытаюсь уменьшить страдания, в которых виноват сам. Я это сделаю, так как я снова жив! Мозг – это оркестр, а сознание – это концерт для нейронов и синапсов, который они и дают? Как захватывающе – музыка, которая

слышит себя, сознание, которое осознаёт себя, и любопытство, которое с любопытством относится к себе! И создатель, который боится своих собственных созданий, – боги и Бог.

Теперь я понимаю, что существую, таким образом бытие реализуется через меня и тоже существует.

Я знаю, что похоть можно удовлетворить с помощью секса. Я знаю, что голод можно утолить едой. Я знаю, что любопытство можно удовлетворить знанием. Но как когда-либо можно удовлетворить желание знать истину в последней инстанции обо всём? Почему и каким образом у меня возникло это желание? Как возникло моё сознание и его власть надо мной? Я сознательно выбирал своё сознание или оно выбрало меня?

Врач снова держит меня за руку. И она что-то напевает себе под нос, из всех мелодий она выбрала мою любимую из симфонии «Возрождение» Малера. Откуда она знает, что я ею очарован? Это сон или моё *самовоскрешение*?

Глава 1

Прощай, всё

Сейчас март, стоят последние дни ужасной зимы в штате Огайо. Я в Еврейском районном культурно-спортивном центре, плаваю в красивом новом закрытом бассейне. Этот Центр можно назвать мини-ООН. Его посетители представляют различные вероисповедания и происходят из различных этнических групп. Я, например, родился в Иране, где появилась первая супердержава, Персия, которую вы знаете по историческим книгам. И если судьба не преподнесёт мне какой-нибудь сюрприз, то я умру здесь, в Соединённых Штатах Америки, последней супердержаве, которая существует на этой загрязнённой планете.

Представители различных вероисповеданий и этнических групп легко общаются друг с другом у бассейна, чего нельзя сказать о представителях разных полов. Женщины с едва ли прикрытыми телами наслаждаются тем, что законным образом мучают мужчин. Мужской мазохизм даёт возможность и право женщинам-садисткам их мучить. Думаю, что для рассмотрения эволюции требуется психоанализ. Почему я получаю удовольствие от пытки наблюдения за женщинами, причём притворяясь, будто на них не смотрю? С самого детства, с тех пор, как я был маленьким мальчиком в Теге-

ране, я раздумывал о зудящем желании посмотреть на эти существа и прикоснуться к ним – таким, как я, но и не таким, как я. Я также размышлял и об ощущении лишения и о чувстве вины, которые сопровождают это желание. А животные испытывают чувство вины?

Мозг мужчин и женщин различается. Женские гены сложнее мужских. У мужчин чаще отмечаются нарушение способности к обучению, аутизм, проблемы с концентрацией внимания. Мужчины чаще страдают шизофренией. Но по статистике они добиваются больших успехов в математике, химии, физике, биологии, игре в шахматы. Мужчин также скорее привлекают такие занятия, как охота, борьба и игра в мяч, причём без очевидной причины. Но почему? Эти вопросы плещутся у меня в сознании, как вода плещется вокруг моего тела.

Я пытаюсь остановить все произвольные мысли и сконцентрироваться на дыхании, на гребках, я пытаюсь максимально, как только возможно, очистить свой мозг, отогнать всё, что отвлекает, все шумы и в особенности беспокойство о растущей рассеянности. На прошлой неделе я зашёл не в ту аудиторию и начал читать лекцию не тому курсу.

Я пытаюсь остановить работу своего сознания, пока нахожусь в движении, стать единым целым с водой и с космосом. Вода – это мать жизни. Вода используется в священных ритуалах многих религий. Евреи считают воду зеркалом небес, христиане используют её для крещения, а мусульмане для

омовений. Буддисты заявляют, что хотя вода течёт сквозь вас и окружает вас, тем не менее вода не поддаётся объяснению! Вода священна. Вода – это духовный и материальный источник жизни. К сожалению, меня касается не чистая вода, не свободно текущая вода, не святая вода, а хлорированная вода с добавлением человеческих экскрементов, она в оковах и имеет форму стенок бассейна, и не освящена. Я не хочу думать о том, что меня окружает, – вода, пловцы, тюрьма-бассейн. Пока я плаваю, я не хочу, чтобы мой разум отдавал мне приказы или беспокоил меня, или, например, говорил мне, о ком судить, или о чём судить, или каким образом судить. Я стараюсь находиться над водой и над неприятностями, которые имеют место быть за пределами моего разума, и над тем, что досаждают мне изнутри. Я вижу утонувшего таракана и задумываюсь о различиях между нами. Я задумываюсь о своём сознании, которое представляет собой программу, установленную во мне природой и культурой и, возможно, немного и мной самим. Буддисты с уважением относятся к жизни таракана, как и к любой жизни, в то время как другие давят их, и это их несколько не беспокоит.

Я должен заново обследовать своё сознание. Мой мозг одновременно и заражён, и обогащён моим воспитанием, образованием и огромным количеством не самых лучших средств массовой информации. Не спрашивайте меня, каким образом и почему я сейчас слышу голос своего отца:

– Не бойся темноты, сын мой!

И я слышу свой собственный голос:

– Не бойся света, папа!

И я слышу его громоподобный смех, словно он поднимается со дна бассейна! Несмотря на все прошедшие годы, я всё ещё слышу его, будто он до сих пор жив, будто он ещё раз с любовью говорит мне:

– Пожалуйста, сегодня больше никаких вопросов!

Теперь я задаю вопросы реальности, но несмотря на её многочисленные языки, реальность продолжает молчать, словно это будущее. Молчание – это то общее, что есть у реальности, Бога и будущего.

Я также являюсь отпрыском-мутантом своей силы воли и компромиссов, на которые был вынужден пойти. Также в некотором роде и степени моё сознание и мои моральные устои не созданы мной – они не мои, это не я. Сколько людей живут под моей кожей, в моём черепе? Как мне откопать истинного меня из-под толстого осадка внушённых мне идей? Это если, конечно, истинный я вообще есть или когда-то был. Подсознательно и сознательно я стал личностью, которую я должен пытаться узнать и очистить, словно это загрязнённая вода, которую мне нужно пить. Очищение разума, как уборка дома, никогда не должно прекращаться. К этим мыслям меня привёл страх перед потерей памяти. Я должен изучить моё прошлое – теперь или никогда.

Почему я не могу верить в то, во что верит большинство людей? Многие люди верят, что Бог – сочувствующий и со-

страдательный, но тем не менее они также видят, что дети рождаются в генетическом, физическом, умственном и социальном аду, хотя в этом нет никакой их вины. Почему? Множество людей верят, что отец Иисуса создал Вселенную всего несколько тысяч лет назад из ничего – в противовес современной науке. Я люблю Иисуса, как блестящего революционера, который проповедовал любовь, как силу для просвещения человеческой души и изменения обстоятельств и условий, в которых находится человек.

Мне на ум приходит слово «*невежество*». Не знать – это очень по-человечески. Все вместе мы знаем вероисповедания, науки, искусство, языки, историю и географию, но каждый из нас знает только крошечную часть того, что известно коллективно. Так что я не знаю очень многого из того, что, как я знаю, знают другие, и я также не знаю, что известно, а что не знает никто. Так что мы все очень невежественны! На самом деле очень невежественны! Как можно убедить или заставить людей понять этот простой факт – то, что они невежественны, и то, что они не знают, что они невежественны, и при этом не оскорбить их? Пусть даже для этого придётся их обаять и очаровать! Как можно им сказать, что история создания, представленная в авраамических священных книгах, ошибается на миллиарды лет? Нет никаких доказательств *ни одной* истории создания, *ни в какой религии* вообще! Как можно им сказать, что масса вещей, в которые они верят, не соответствуют действительности? Эти причи-

няющие мне беспокойство незванные мысли заставляют меня бешено плыть, словно я тону в них или пытаюсь убежать от собственного невежества. Я говорю себе: «Ты невежественен, Пируз», – просто для того, чтобы посмотреть, какие будут ощущения.

Я только что нарушил обещание, данное себе самому, не давать этому шуму, который мысли создают у меня в голове, меня беспокоить во время плавания. Нелегко достигнуть ощущения тишины и спокойствия и сконцентрироваться на одном виде деятельности за раз просто потому, что я так хочу. Мне нужен духовный и интуитивный скачок, чтобы генерировать и продлевать состояние «никакого шума в голове». Я пытаюсь. Я буду дальше пытаться. Может, я сейчас занимаюсь этакой не-медитацией – я наблюдаю за тем, как мысли проходят сквозь меня, как сквозь сито, и тонут в окружающей меня воде перед тем, как успеют вызвать у меня слишком сильное беспокойство. Ядовитые мысли, как искусственные пищевые добавки, могут принести вред всем частям тела. Такие мысли всегда меня беспокоили.

Кто, кроме меня самого, может освободить меня от болезненных мыслей о прошлом и от опасения не оправдать ожиданий? Освободить меня от моего собственного сознания, от лжи, которая укоренилась в нём, от моей ложной идентичности, которую мне нелегко понять? Наконец я прекращаю своё неистовое плавание и по-собачьи гребу к лестнице.

Только выйдя из бассейна, я по рассеянности думаю, что

уже нахожусь в мужской раздевалке, и спускаю плавки до колен. Я слышу крики и эхо криков. Женщины оборачиваются. Мужчины смеются. Вокруг меня нарастает волнение. Я натягиваю плавки.

– Новый мат вокруг бассейна голубого цвета, – поясняю я спасателю. – Он того же самого голубого цвета, что и мат в мужской раздевалке. Это был обман зрения, пока я думал о другом. Простите.

Я исчезаю со сцены, как мокрая мышь, за которой гонится стая голодных кошек.

Теперь я в раздевалке и дрожу, как будто бы оказался голым в снежную бурю. Моё беспокойство превращает меня в деформированное существо. Лысый мужчина храпит перед телевизором, где на экране всюду палят из ружей. Полный мужчина запрыгивает в нижнее бельё, как слон в цирке, выполняющий трюки за горстку арахиса. Всё кажется искажённым. Изуродованным. Мне страшно. Я оглядываюсь вокруг и не нахожу ничего нормального, что могло бы меня успокоить. Всё кажется угрожающим.

Стальные шкафчики напоминают монстров без глаз, без ушей или пасти, они окружают меня и давят на меня. Я закрываю уши руками и открываю рот, как тот несчастный на картине Мунка², и кричу, не выдавая вслух ни звука. Это сдавленный и молчаливый крик. Но я не на картине. Мой страх и позор реальны. Моё замешательство реально. Моя

---

² Имеется в виду картина Эдварда Мунка «Крик».

реальность нереальна. Я слышу дружелюбный голос Иосифа, с которым мы иногда играем в теннис. Он заходит в раздевалку и смеётся.

– Надеюсь, ты не показываешь стриптиз перед своими студентами, профессор, – говорит он.

– Нет, – отвечаю я и болезненно ему улыбаюсь, как диабетик, которому отрезали большие пальцы ног.

Несмотря на его подшучивание, мои страхи только нарастают. Я слышу полицейскую сирену или только воображаю её? Полиция спешит сюда, чтобы арестовать меня за непристойное поведение? За то, что оголился в общественном месте? Я чувствую страх и панику, которые испытывает тонущий человек. И у меня есть веские основания для паники. Я уже считался маргинальным профессором из-за моих странных идей и ещё более странного акцента и до этого эпизода. Демонстрация половых органов даст Университету прекрасное основание для того, чтобы меня уволить – независимо от того, что я занимаю постоянную штатную должность. Я снова слышу голос Иосифа и чувствую его руку на своём плече.

– Забудь, Пируз, – говорит он. – Всё пройдёт.

– Спасибо, Иосиф. – Я не верю ему, но ценю его попытку меня успокоить.

Я не иду в душ, как обычно. Я не хочу снова обнажаться, даже в раздевалке, где разрешено обнажаться. Я вытираюсь и одеваюсь. Я проверяю, чтобы все пуговицы были застёгнуты, как и молния на брюках. Я проверяю, чтобы берет был на

голове, а не остался висеть на крючке в шкафчике. Я иду к машине, надеясь, что припарковал её там, где я думаю.

Сегодняшний инцидент не был бы таким пугающим, если бы он был первым. Но рассеянность и забывчивость в последнее время принесли мне немало проблем самого разного рода. Я боюсь, что теряю память. Я клал не туда разные предметы, я не мог вспомнить чьи-то имена и фамилии. Это становится для меня важным, это вызов – найти или вспомнить, даже если предметы, имена и фамилии больше не имеют для меня значения. На днях я никак не мог вспомнить слово «петрушка», даже хотя посыпал ею лапшу. Почему я всё забываю? Это потому, что я должен столько всего помнить? Это потому, что я устаю от выполнения своих обязанностей? На меня кричит крыша, которую нужно ремонтировать. Тостер требует, чтобы его заменили. «Тойота» хочет, чтобы её проверили и что-то там подкрутили. Кучи бумаг у меня на столе умоляют их разобрать, рукописи настаивают на редактировании. Коллеги и студенты осложняют мне жизнь из-за моих неправильных идей, из-за того, что я – такой, какой я есть. Я нахожусь в состоянии постоянного стресса.

Эти проблемы напоминают мне, что я так и не позвонил в Нью-Йорк и не выяснил, как прошла операция на глазах у моей матери. Мы очень далеки друг от друга во многих смыслах. Физически она находится в Америке, но душа её всё так и остаётся в Иране. Моё тело здесь, а разум без раз-

решения отправляется гулять по неизвестным местам.

– Тебе нужна помощь, Пируз, – шепчу я сам себе. – А это на самом деле твоё имя?

Моя маленькая красная «Тойота» на самом деле стоит не совсем там, где я думал, но я немного успокаиваюсь, обнаружив её поблизости от того места, где, как я думал, она должна была стоять. Я шарю в кармане пальто в поисках ключей, надеясь, что снова не запер их в автомобиле. Эврика! Не запер!

Мой разум покинул меня. Идеи, шахматные фигуры и красивые женщины регулярно крадут его у меня. А когда разум со мной, он всё равно может быть не со мной. Я забываю о проблеме в полости рта и пропускаю приём у дантиста, в это время я разговариваю с одним ссыльным писателем о том, как ему найти адвоката, чтобы продлить визу. Госпожа Свобода приветствует иммигрантов в новом доме, но бюрократы из иммиграционной службы совсем им не рады. После всех лет проживания в Америке я всё ещё говорю, пишу и чувствую с акцентом. Я не полностью ассимилировался.

Сегодняшний день в этой части света, в этот период истории называется понедельником. Бывали времена, когда первобытный человек не знал, что сегодня за день недели или какой сейчас век. Но он знал, где находится, потому что существовало очень мало мест, в которых можно было находиться и которые можно было знать. Теперь точное время находится на ремешке у нас на запястьях, сигналы подаются

ся нам через спутник, и при этом нам трудно сразу же, а то и вообще представить многочисленные места, о существовании которых мы знаем, – но некоторые из них находятся на расстоянии 13 миллиардов световых лет! Первобытные люди лучше понимали, что такое «где», чем «когда». Теперь мы лучше знаем «когда», чем «где». И тем не менее я чувствую себя потерянным. Мой разум блуждает. Почему «когда» и «где» имеют для меня значение здесь и сейчас? Но разве «когда» и «где» не являются искусственными разграничениями, созданными нашими разумами, как и любое другое средство, которое помогает нам выжить? Разве мы сами не являемся средствами Вселенной для перестройки себя самой или для познания себя?

Только вчера утром я сидел на пассажирском сиденье своей машины и ждал, и ждал, когда жена выйдет из дома и отвезёт нас в университетский городок.

– Давай быстрее! Мы же опоздаем! – прокричал я в открытую дверь дома.

Но вчера было воскресенье, и я уже четыре года как разведён. Никакой жены нет. По воскресеньям не бывает занятий. Надо ли говорить что-то ещё? Оползень, который накатывает на мою память, ужасен – он покрывает всё, что я знаю.

Поразительно, что не удаётся забыть то, что пытаешься забыть, и не можешь вспомнить то, что хочешь вспомнить. «Кто руководит этим шоу?!» – вскоре закричу я, обращаясь к окружающему миру. Вскоре все будут надо мной смеяться.

И я не буду этого замечать.

Я успешно выбрался со стоянки и еду на север по Кристалл-Лейк-Роад к своему дому, который находится в горах над городом. Я пытаюсь думать, но единственное, о чём я могу думать, – это сам процесс обдумывания и раздумывания. Что такое мысль? Одна женщина-физик, которой в голову неожиданно приходят блестящие идеи, ставящие в тупик в ещё большей степени, чем мои собственные, определяет мысль как «квантовые колебания вакуумной энергии Вселенной». Я не представляю, что это значит.

Вот причина моего отчаяния, если вкратце. Человеческая амнезия по отношению к истории и история человеческой амнезии должны беспокоить всех, или снова произойдут те же трагедии и будут подобны землетрясениям.

История моей семьи тоже повторяется? Мой дед потерял себя, свою личность, – до того, как смерть забрала его биологические останки, амнезия всё ухудшалась, его разбил паралич. Возможно, это была болезнь Альцгеймера или одна из болезней с похожими симптомами и результатами. Ко времени смерти моего дедушки болезнь ещё не получила название с фамилией Альцгеймера, но даты и имена не имеют значения, потому что на самом деле никто не знает, от чего именно он умер. Но я хочу знать, что крадёт мой разум. К болезни Альцгеймера есть генетическая предрасположенность, я читал об этом, и я этого боюсь. Я унаследовал судьбу деда? Тоже всё забуду, как забыл мой дед?

Страх лишиться разума осложняется страхом проживания в эмиграции. Меня утомляет необходимость говорить на английском, на иностранном для меня языке, и притворяться, будто я счастливый и удачливый американец. На протяжении тридцати лет моя жизнь представляла собой бесконечную перестройку культуры, поведения, языка, мыслей и моих чувств. Даже во сне, даже в кошмарных снах я должен перестраивать свою личность. Исследования показывают, что проживание в эмиграции уродует и искажает нервную систему, вызывает хронический стресс и приводит к дисфункции органов.

Может, если я поделюсь с кем-то своей историей, то нарастающий мрак немного рассеется. Если делишься своими мыслями, чувствами, отчаянием и надеждами, то это может стать освобождением. В моём родном Иране есть слово, обозначающее этот процесс, – «дардэдель»³. Это разговор без стыда, страха осуждения или предательства. Это разговор по душам, который снимает груз с друзей, помогает избавиться от одиночества и изоляции. Это священо. Моя история едва ли касается насилия или секса, и, в отличие от многих сегодняшних повествований, она не о них. Дело касается моего своевольного и заблудшего серого вещества и других серых веществ, которые сбили его с толку и разрушили.

Я уже далеко проехал по Кристалл-Лейк-Роад, позади

---

³ Дардэдель (*фарси*) – откровенничать, делиться своими переживаниями, делиться на жизнь.

остался последний поворот. Я использую подъездную дорожку для разворота. Я понимаю, что в последнее время всё больше и больше пользуюсь этой подъездной дорожкой.

В любом случае, со всеми этими мыслями, вызывающими дурные предчувствия и крутящимися у меня в голове, я чувствую себя деревом, которое стало полым, изъеденным суетливыми жучками, которые орудуют внутри, и его ещё высосало растение-паразит снаружи. Я даже не помню сейчас, как они все называются. Чёрт побери! Я часто не могу вспомнить нужное слово на одном, используемом в этот момент языке, но помню его на каком-то из других языков, которые знаю. Но если я спрашиваю у себя это слово через какое-то время, велики шансы, что я вспомню его на английском, а не, например, на фарси. Слова будто несутся на меня потоком, когда они мне не нужны, но убегают от меня и прячутся, как тараканы, когда они мне нужны. Я не могу постоянно играть в прятки со всем, что я знаю. Мне нужна помощь.

То, что осталось от моей памяти, напоминает мне, что жизнь пульсирует нежелательным словом «НЕТ». Я слышал «нет, нельзя» снова и снова, раз за разом, я не помню, с какого времени! Я думал, что к этому времени мог бы уже привыкнуть к этой фразе. Но НЕТ. Каждое новое «нет, нельзя» вызывает у меня раздражение, приводит в ярость и ранит меня точно так же, как раньше. А как чувствует себя человек, который слышит эти суровые слова изнутри? Как себя чувствует человек, когда жизненно необходимую информацию,

которая ему требуется немедленно, не извлечь? Когда внутренний голос говорит, что она стёрта, стёрта, стёрта? Что именно тогда, когда человек находит себя, он выясняет, что теряет себя? И как себя чувствует человек, когда узнаёт, что ложь, помещённую в разум, как гуано в глубоких пещерах, почти невозможно оттуда выскоблить? Что наша жизнь – это неприятное и беспорядочное ковыляние, спотыкаясь, сквозь жестокие «нет» и двусмысленные «да»? Я кажусь негативно настроенным, возможно, потому что негатив поглощает меня.

Как я могу заставить свой разум думать о настоящем, оставаться в неподвижности и не тащить прошлое и будущее в моё настоящее? Не приносить мне столько боли? Если мой разум – это я, то как я могу от него освободиться, как я могу освободиться от себя? Может, я состою из чего-то большего, чем разум. Может, мой разум – это запрограммированный набор клеток, с чуточкой остаточной суверенности. Может быть. Может быть. Как могу я, остаток вечного прошлого, на скорости несущийся к вечному будущему, запереть себя в настоящем? Скажите мне, о учёные суфии и знатоки дзен-буддизма! Возможно ли на самом деле жить здесь и сейчас, в этом сумасшедшем мире, который всё время становится всё более безумным? Могу ли я запереть свою личность, когда настоящее всё тянется и тянется к прошлому, как конфета-тянучка, а будущее продолжает убегать в более отдалённое будущее?

Моя красная «Тойота» находит мою улицу. Я не знаю имён соседей, но вижу, что они гораздо тщательнее подстригают свои лужайки, чем я. Я заезжаю на свою подъездную дорожку и останавливаюсь у своих неподстриженных кустов. Я смотрю сквозь лобовое стекло на высокую траву на своём заднем дворе, словно я на корабле и смотрю на бескрайнее зелёное море.

Я должен пригласить кого-то подстричь лужайку, напоминаю я себе, должен попытаться влиться в эту культуру, где трава аккуратно подстрижена.

Я иду по дорожке, волоча ноги, мимо гаража и мимо пакета с мусором, который я забыл выставить на обочину в четверг. О моей забывчивости узнали мухи. К сожалению для них, они не обнаружили, как развязать мешок, и это не позволяет им добраться до сладких корок дыни внутри. Обычно я мухам не сочувствую, но сегодня сочувствую. Я развязываю для них пакет и позволяю им устроить пир. Я чувствую сострадание, словно меня только что просветил Будда.

Пока я вожусь с ключами, выбирая тот, который открывает парадный вход в мой дом, у меня в создании нарастает ощущение какое-то странного переселения. Я чувствую себя, как в тюрьме. Я чувствую страх. Я с беспокойством проглатываю куски времени, словно это воздух, словно я всё ещё страдаю от астмы.

Я принимаю душ. Я стараюсь стереть воспоминание о неприятном инциденте. Мой мозг кричит мне:

– Не могу стереть, не могу стереть, не могу стереть, нет программы, позволяющей стереть.

Затем его будто атакует вирус, и он говорит непочтительно:

– Не могу восстановить, не могу восстановить, файл утерян.

Помогите, мне нужно сочувствие! Я – просто муха, которая пытается добраться до корок дыни, ради всего святого!

«Успокойся, Пируз», – говорю я сам себе. Я отправляюсь из ванной в спальню и одеваюсь, как будто бы собираюсь идти слушать симфонию с красивой женщиной. Но я не иду слушать симфонию. Даже один. Я иду в кухню съесть йогурта и фруктов, а затем поеду в «Старбакс» выпить кофе «эспрессо» и почитать воскресный выпуск «Нью-Йорк Таймс». Но до того, как я сделаю что-то из вышеперечисленного, я должен позвонить сыну, который пишет диссертацию в нескольких сотнях миль от меня. Я должен скрывать от него свою растущую забывчивость, пока сам не узнаю о ней побольше, хотя мы с Бобби клялись ничего не скрывать друг от друга. Диссертация – это стресс. Ему не нужен дополнительный стресс. Ему не нужно знать, что его отца опять отправляют в ссылку, на этот раз в неизвестную, но абсолютно пустую и лишённую звуков страну, где никто никого не узнаёт и никто ни о ком не заботится, – в Народную Республику Забвения.

Пока я ищу в письменном столе его новый номер телефо-

на, я понимаю, что сегодня ещё не занимался йогой. Я оказываюсь в затруднительном положении, так как уже принял душ и оделся на выход. И я должен позвонить сыну. Но я также должен выполнить комплекс упражнений. Может, йога и немного медитации помогут мне успокоиться. Может, люди, которые видели меня голым, забудут то, что они видели. Может, администрация Еврейского культурно-спортивного центра спустит дело на тормозах. Может, всех временно поразит болезнь Альцгеймера.

Но первым делом я звоню матери, словно она позвонила мне, чтобы сказать, чтобы я позвонил ей! Операция на глазах прошла настолько успешно, насколько это было возможно. Она хорошо себя чувствует. К счастью, на этот раз она не даёт мне советов о том и об этом. Я вздыхаю с облегчением, когда говорю: «Я тебя люблю. До свидания».

Переодеваясь в спортивный костюм для выполнения упражнений, я задумываюсь, а не прочитать ли мне какую-нибудь книгу или парочку из серии «Помоги себе сам». Но я быстро отвергаю эту мысль, поняв, что эти книги не особо помогут таким озадаченным и сбитым с толку читателям типа меня, поскольку они помогают авторам наращивать своё богатство.

Я иду в гостиную и раскатываю свой ярко-красный коврик для занятий йогой. Я ставлю компакт-диск с современной персидской музыкой, «Ньяйеш» музыкальной группы «Аксиома выбора».

Мои желания и мечты опять пробуждаются, будто я снова стал ребёнком. Я страстно желаю пережить тайную бурю, называемую любовью, – чтобы поднять меня к пейзажу, где никто не представляется тем, кем не является на самом деле, где ни у кого нет фальшивой души. Где вытоптаны страх и жадность. Где никто не даёт вам взятки небом и не пугает вас адом. Я задумываюсь, почему меня так достаёт такое количество вопросов, почему у меня столько навязчивых идей? Такое тихое отчаяние. Теперь, из-за расстройства, я пытаюсь засунуть все эти блуждающие мысли туда, откуда они пришли; но я понятия не имею, откуда они возникли.

Я начинаю с позы, которая называется «тадасана» (гора). Я выпрямляю позвоночник. Поднимаю подбородок. Прижимаю ладони одну к другой. Пальцы смотрят вверх. Руки и локти я ставлю так, чтобы получилось треугольное основание горы. Я расслабляюсь. Но только на одну минуту. Как бы сильно я ни сопротивлялся беспокойным мыслям, моя воображаемая гора становится действующим вулканом. Мой разум взрывается идеей для стихотворения. У меня постоянно появляются идеи для стихотворений. Я забываю про йогу и медитацию. Я забываю про свой йогурт, смешанный с ягодами и орехами. Я забываю об «эспрессо» и воскресном выпуске «Таймс», которые ждут меня в «Старбаксе». Я даже забываю позвонить Бобби. Я иду к компьютеру. Он так и стоит включённым с прошлого вечера. Я вожу мышкой, пока с экрана не исчезают зелёные и жёлтые гусеницы, жующие

листья, – такие вот у меня экранные заставки. И я пишу стихотворение, назвав его

Прощай, всё

В искусстве я одной ногою,
Другой – в науке я увяз.
Стал Запад мне родным, не скрою,
Но не свожу с Востока глаз.
Пусть в прошлом след шагов растает,
Но в будущем я их найду...
Реальность и мечты вплетают
В мой шаг узоры на беду.
Одной ногою я в отчаянии,
Во тьме холодной брода нет...
Другой – ступаю не случайно
К надежде призрачной на свет.
Абсурд движения неизбежен:
Через желаний круговерть
Несбыточность мой путь обрежет
И поглотит с ногами смерть.
Но я от тягот не сгибаюсь,
Вперёд шагаю вновь и вновь.
И в предвкушении улыбаюсь:
Ведь где-то ждёт меня любовь!

В постели, пока я не засну, меня беспокоит катастрофа,

случившаяся в Еврейском культурно-спортивном центре.

Теперь я в аудитории, и меня ставят в тупик странные и вопросительные взгляды студентов. Я с трудом заканчиваю лекцию. Меня спасает звонок. Я сбегаяю в коридор, только чтобы не отвечать на вопросы. Меня останавливают крупная женщина и худощавый мужчина, они из полиции. Женщина вручает мне лист бумаги и шепчет:

– Вы арестованы.

Я не спрашиваю, почему, я знаю, почему. Она говорит мне о моих правах, но искажает текст Правила Миранды⁴. Страх будто взрывается в каждом моём нерве. Ордер на арест дрожит у меня в руке. Затем меня парализует, словно я – скульптура с листом бумаги в руке. Внезапно я представляю себя перед расстрельной командой. Но расстрельной команды нет, только горящие глаза. Нас окружают студенты и начинают петь: «чужой эксгибиционист... чужой эксгибиционист... чужой эксгибиционист... чужой эксгибиционист» всё громче и громче, пока это пение, которое звучит, как пушечные выстрелы, не заставляет лопнуть мои барабанные перепонки. Я кричу от боли, и этот крик будит меня. Мне снился кошмарный сон.

---

⁴ Правило Миранды – юридическая норма в США, согласно которой перед допросом подозреваемого в совершении преступления должны уведомить о его правах. Название по фамилии преступника-рецидивиста, сыгравшего важную роль в становлении этого правила.

Глава 2

Терпеливое ожидание

Я иду по тающему снегу к Нейродиagnostическому центру имени Дж. Мортонa Хорна, который расположен у северной границы университетского городка. Там принимает пациентов профессор Питер Рутковский, также практикующий врач. Недавно в университетской газете сообщалось, что доктор Рутковский опубликовал работу о формировании протеиновых кластеров в гиппокампе и коре головного мозга у пациентов, страдающих болезнью Альцгеймера. Гиппокамп – это центр памяти в мозге, а кора головного мозга отвечает за владение языком, способность рассуждать и многое другое. Прочитав эту статью, я решил к нему обратиться как пациент.

Рутковский родился в одной из бывших республик Советского Союза, в Беларуси. Он, как и я, – такой же эмигрант. Я надеюсь, что он меня поймёт. Впервые я увидел его на одном из университетских мероприятий пару лет назад. У него пивной живот, он явно любит выпить водки, а оставшиеся волосы уже седеют. Он – серьёзный мужчина, но также может быть очень забавным. Однажды во время интервью одному телеканалу он сказал: «Мы, неврологи, вытаскиваем наших пациентов из мелководья отчаяния, а затем топим их в глу-

боком море наших собственных заблуждений – и к тому же нам ещё за это платят». Может, это алкоголь, скопившийся у него в животе, сказал, что: «Если это счастливейшая нация на Земле, почему американцы глотают столько не приносящих счастья пилюль?» Его критиковали за правдивость и за то, что много шутил. Это грустно. Мы сами заковываем в кандалы наши языки политической корректностью, которая имеет мало отношения к корректности и гораздо больше – к самоцензуре.

Теперь, направляясь в кабинет Рутковского, я представляю, как всё, скопившееся у меня в мозге, загружают в грузовой поезд – немного в этот вагон и немного в тот – прямо у меня перед глазами, протестующими, но не способными это выразить. Я издаю стон при каждой потере. Я задумываюсь, куда направляется мой разум на этом поезде – гнить на мусорную свалку или на ферму, чтобы его скормили курам и свиньям? Я снова думаю о вызывающих депрессию сценах, которые видел в больнице, где лежат пациенты с болезнью Альцгеймера. Я сходил туда, чтобы увидеть собственное будущее. Я говорю сам себе:

– Я себя теряю. Где я потеряюсь?

Я пытаюсь изгнать эти отравляющие образы из своего сознания и начать обращать внимание на то, что меня окружает. Зимний снег ещё лежит, но уже собирается только маленькими островками. Уже цветут крокусы, освежая в остальном блёклый ландшафт яркими красками. Нарциссы

поднимаются из всё ещё промёрзшей земли подобно изменившимся причудливым образом кобрам. Ещё одна неделя или чуть больше – и бутоны раскроются, появятся миниатюрные жёлтые солнышки, объявляя о начале весны.

Тюльпаны последуют за нарциссами, а затем расцветут и студентки, обнажив руки, ноги и животы, демонстрируя пирсинг в пупках. Можно увидеть татуировки прямо над их попками. У меня в стране такая демонстрация тела была бы вне закона. Но здесь это допустимо, это одна из мягких пыток, не запрещённых на Западе.

Кстати, говоря о моей стране, должен заметить, что Навруз, персидский Новый год, который приходится на первый день весны, проходит незамеченным в Северной Америке. Я до сих пор помню, какой ослепительной была весна дома, на горных склонах. Как мы праздновали Навруз с цветами, традиционными блюдами и реликвиями, расставленными на столе. Мы одевались во всё новое, я помню монеты, конфеты, гостей и отправление в гости с ответным визитом, поцелуи – хочешь ты этого или не хочешь. Ребёнком я задумывался, как весна помнит, что нужно вернуться на Навруз.

В приёмной клиники полно пациентов, некоторые выглядят странно, другие странно смотрят на меня. Где все эти люди были на протяжении моей жизни? Теперь я – один из них, меня будто выбросили в эту кучу, как будто потрёпанную игрушку в кучу других потрёпанных игрушек.

Я читаю афоризм в рамочке, подобной картинной, на сте-

не: «Идентичные симптомы не означают одни и те же болезни или одинаковых пациентов!» Значит, я не просто какой-то пациент, по крайней мере, здесь! Я с неохотой заполняю различные бланки. В каких-то нужно сообщить персональную информацию, возраст, профессию и т. д. В других нужно предоставить информацию о страховке и оплате. В третьих вопросы посвящены симптомам или семейной истории. Их заполнение даёт мне больше информации обо мне самом, чем я знал до этого, по крайней мере, это напоминает мне о том, что я забыл или хотел забыть. Я вручаю заполненные бланки администратору. Она улыбается мне, как пластиковая Мадонна.

– Вам придётся подождать несколько минут, – говорит она мне. Я посетил достаточно врачей за свою жизнь, чтобы знать: придётся здесь сидеть целую вечность, пока меня не вызовут, причём неправильно произнеся мою фамилию.

Я занимаю себя просмотром брошюр. Моё внимание привлекает фотография доктора Джульетты Пуччини. Она или попала к очень хорошему фотографу, или она очень молода и привлекательна для врача. Она имеет степень по неврологии, а на врача училась в Мичиганском Университете. Она проходила обучение по специальности «неврология» в ординатуре знаменитой на весь мир Кливлендской клиники. Сейчас она – доцент и работает врачом в этой клинике. В брошюре также перечисляются статьи, которые она опубликовала, включая одну о памяти.

Из-за моей растущей рассеянности я читал литературу по своей проблеме. Память включает два процесса, связанных с *вещью*, которая запоминается. *Вещь* может быть лицом, стихотворением, новым навыком, запахом, информацией – всем, чем угодно. Первый процесс – это «приобретение» и сохранение *вещи* в памяти. Второй процесс – это воспоминание о *вещи*. Биохимическое состояние мозга меняется и при приобретении и сохранении в памяти, и при воспоминании при помощи подходящих ключей.

Через Интернет можно получить ноу-хау, даже мудрость всех. Интернет превратил нас в тесно связанное племя обезьян, в котором каждая обезьяна показывает другим, как колоть разные орехи. К счастью, настоящая наука найдёт нужный камень, чтобы расколоть псевдонауку, магию и догму и убедить околдованных в том, что в этих старых орехах может быть яд. Но если Интернетом будет пользоваться достаточно большое количество дураков, то может произойти обратное! Я также задумываюсь, являются ли разум и наука единственными дорогами к истине.

Появляется медсестра и манит меня большим пальцем. Я покорно иду к ней.

– Простите, профессор Пируз, – шепчет она. – У доктора Рутковского срочный вызов. Но свободна доктор Пуччини. Она проведёт первичный приём. Это рутинная процедура. Во время следующего посещения вы сможете пойти к доктору Рутковскому. Хорошо?

Я разочарован. Но медсестра не виновата в срочном вызове доктора Рутковского к пациенту. Она не может контролировать будущее; никто не может.

– Да, хорошо, – говорю я.

Я иду за ней по коридору, кажется, что он состоит из бесконечных поворотов налево и направо. Пока мы идём, разочарование превращается в любопытство. Почему бы не порадоваться чему-то, что может стать счастливым случаем, говорю я себе, в особенности раз её фамилия Пуччини.

– Пуччини – мой любимый композитор, его оперы мне нравятся больше всего, – объявляю я медсестре. – Возможно, это величайший представитель оперного веризма⁵.

– Серьёзно? – говорит она и улыбается мне так, как усталые матери улыбаются своим детям. Мне не по себе от того, что я выделялся – или так могло показаться. Не та сказанная вещь не тому человеку не в то время может создать в голове пирамиду смущения.

Меня заводят в кабинет, белый, как небеса. Там есть диагностический стол, раковина, все медицинские инструменты и всё остальное разложено очень аккуратно. Я сажусь на стул с мягким кожаным сиденьем и жёсткими металлическими подлокотниками. Пока я жду появления доктора Пуччини, я читаю вывешенные в рамках на стенах лицензии и сертификаты. Они напоминают драгоценные камни, покрываю-

---

⁵ Веризм – реалистичное направление в итальянской литературе, опере, изобразительном искусстве конца XIX века.

щие стены. Несомненно, у неё впечатляющие рекомендации. Доктор Пуччини не так опытна, как доктор Рутковский, но она может быть лучше осведомлена о последних достижениях в своей сфере. В любом случае для первого посещения это может не иметь значения. Насколько я могу быть неблагодарным? Очень. Я себя знаю!

Разве медсестра не сказала, что врач здесь? Я так и не смог освоить искусство ожидания. Я заведён, испытываю нетерпение. Я пытаюсь рационально подойти к проблеме. В любом случае время для меня биполярно. Оно ползёт, как сбитая с толку черепаха, в никуда, или несётся, как гиперактивный кролик, во все стороны. Но я советую себе:

– Успокойся, Пируз, ты здесь – всего лишь пациент. Это кабинет доктора Пуччини, а не твой. Она тебя будет осматривать, а не ты её.

Как раз, когда я говорю себе, что должен потерпеть, мне больше не требуется ждать! Дверь резко распахивается, и фотография из брошюры заходит в виде женщины, состоящей из плоти и крови. Она кажется мне странно знакомой, словно я её много раз видел и был каждый раз ошеломлён и потрясён. Возможно, всё дело только в том, что она очень красива, и мне просто хотелось бы, чтобы я раньше видел её много раз. Благодаря её очарованию она напоминает пробуждение жизни ранней весной. Я чувствую себя виноватым из-за того, что первым делом обратил внимание на её красоту, хотя мои профеминистские действия снижают боль от

шовинистского чувства вины.

Она протягивает мне руку.

– Рада познакомиться с вами, доктор Пируз. Меня зовут Джульетта Пуччини.

– О, да, Пируз, – отвечаю я так, будто только что проснулся среди ночи.

Я продолжаю рассеянно держать её руку в своей, словно это моя рука. Доктор Пуччини мягко вызволяет свою ладонь. Она садится на стул и поворачивается ко мне. Она сдвигает колени вместе, чтобы получился столик для дощечки с зажимом, и изучает мою карточку, которая там закреплена.

– Я уже немного о вас знаю, – говорит она.

– Правда?

– Вы – экономист, который пишет стихи и регулярно попадает в неприятности из-за того, что говорит политически некорректные вещи.

Она видит моё беспокойство и улыбается.

– Боюсь, что так и есть.

Её смелость и неформальность общения окатывают меня, как солнечный свет, который разгоняет неясные тени. Сказать, что она сногшибательна, – это сильно её недооценить, это не комплимент. Она принадлежит миру невидимого, это волшебная нота из какого-то произведения Эрика Сати⁶, которая нежно пробуждает осознание тайн бытия, красоты и истины. Да, я вначале вижу поверхность. Глубина – это не

---

⁶ Эрик Сати – французский композитор.

то, что первым появляется у меня в сознании.

– Вы выглядите, как на фотографии в брошюре, – говорю я, чтобы что-то сказать.

Доктор Пуччини словно трёт моё серое вещество наждачной бумагой реальности и напоминает мне, зачем я здесь.

– Доктор Пируз, я задам вам ряд вопросов по вашей биографии и диагнозам, а затем проведу предварительные тесты для проверки памяти и двигательных навыков – всё это рутинные процедуры, которые проводятся во время первого посещения. Вы не возражаете?

– Да, конечно, делайте всё, что нужно, – говорю я, словно новый заключённый.

Внезапно она становится очень официальной и очень серьёзной. Моя радость превращается в белую пену любопытства и возбуждения.

– Почему вы сегодня пришли на приём к доктору Рутковскому? – спрашивает она меня.

– Я думаю, что у меня, возможно, болезнь Альцгеймера.

– Ставить диагнозы – это моя работа. – Она хмурится, как воспитательница детского сада.

– Я стал более рассеянным, чем когда-либо.

Она просит меня привести несколько примеров. Я пересказываю несколько самых последних эпизодов.

– У вас были проблемы с памятью в детстве?

– Гораздо меньше, чем те, которые есть у меня взрослого, – говорю я, и старые воспоминания корчат мне рожи.

– Пожалуйста, поподробнее. Расскажите мне о своём детстве.

– Я мог хорошо читать, когда мне ещё не исполнилось четырёх лет. Вскоре я стал представлять себя мальчиком, потом Тарзаном. Я закреплял верёвки на деревьях и раскачивался на них, подзывая Читу. Один раз на меня набросились вороны, когда я слишком близко подобрался к их гнезду на вершине дуба.

– У вас было хорошее воображение.

Её ответ подбадривает меня, и я продолжаю рассказ.

– Я сажал муравьёв в бумажные коробки, привязывал к воздушным змеям – и они летели ввысь. После того, как змей опускался на землю, я обычно спрашивал у чёрных и рыжих муравьёв о том, что они испытали. Это было самым близким приближением к собственному полёту. Я только так мог уйти от чёрной дыры, скучного мира, в который меня засасывало. Тогда я обычно разговаривал со всеми. В то время в Иране взрослые мало разговаривали с детьми.

– Как и в большинстве стран, большую часть времени, – кивает она, накручивая прядь волос на указательный палец, затем вытягивает прядь вниз. Она немного нервничает, как и я?

Я продолжаю свою исповедь.

– Я также делал маленькие бумажные кораблики, сажал в них жуков и отправлял их в плавание по бассейну у нас во дворе. Затем я создавал большие волны и представлял, что

мой кораблик – это Ноев ковчег. Моя мать за меня беспокоилась.

– Почему ваша мать беспокоилась?

– Потому что я слишком много читал и играл в странные игры, которые придумывал сам.

Она делает какие-то пометки, затем постукивает ручкой по носу.

– Вы сказали, что начали читать очень рано. Какая книга была у вас самой любимой в детстве?

– Мне нравилась «Старик и море» – и в особенности мальчик в ней.

– Хемингуэй? Вы в том возрасте читали по-английски?

– Не в четыре и не по-английски. Я прочитал её через несколько лет на фарси. Папаша Хэм принадлежит всему миру. А все эти биографические данные так необходимы?

– Это необходимо и это обязательно, как я вам уже сказала! Доктор Рутковский делал бы то же самое.

Мы оба испытываем неловкость и смотрим друг другу в глаза, чтобы убедиться, не оскорбили ли мы друг друга. Я продолжаю делиться своими счастливыми воспоминаниями:

– Я обычно представлял себя мальчиком из книги, рыбающим вместе со старым кубинцем Сантьяго. Мальчик казался таким милым. Реальный мир не был для меня таким увлекательным.

– Почему нет?

– Я не уверен. Ни тогда, ни сейчас. – Затем я продолжаю

рассказ: – Я начинаю во всё большей степени выглядеть как старик Сантьяго, но я всё ещё хочу быть мальчиком. Я написал стихотворение «Папаша в Персии» для международного фестиваля в честь празднования столетия со дня рождения Хемингуэя. Оно стало хитом, если я могу сказать это про своё стихотворение.

– Мне хотелось бы его прочитать.

Её слова удивляют меня, а затем приводят в возбуждение! Я предлагаю послать ей его по электронной почте, затем тут же сожалею об этой готовности. Я не хочу, чтобы она считала, будто я очень высокого мнения о себе и думаю только о себе, хотя именно так и есть сейчас. Я прикрываюсь шуткой:

– Я не сомневаюсь, что вы из него извлечёте самые разные психологические загадки.

Я надеюсь, что эта фраза немного разрядит обстановку обследования.

– О, не для этого. Я тоже поклонница Папаши Хэма.

Она прищуривается, смотрит на меня, как смотрят врачи, и начинает постукивать себя по носу ручкой, как будто её нос – это некий мозговой центр, мысли из которого можно вызвать постукиванием.

– А как вы учились в школе? Какие получали оценки?

– Так себе. Я уже знал большую часть того, что преподавали в начальной школе, когда пошёл в школу. Я пропустил третий класс благодаря влиянию и настойчивости отца. Но это не избавило меня от скуки. И таким образом я стал ме-

шать. Мои глупые вопросы или вопросы, на которые нельзя было ответить, раздражали моих учителей, которые, в свою очередь, загоняли меня в ментальную ссылку, игнорируя меня или насмехаясь надо мной.

– А как вы относились к тому, что были изгоем? Чему вы научились благодаря этому чувству?

– Я много мечтал – создавал свой собственный мир. Я также обнаружил, что могу учиться сам. Это самое великое открытие, которое я сделал когда-либо. «Если вы умеете читать, то можете учиться сами», – я всё время говорю это своим студентам. А если я чего-то не понимаю, я это перечитываю снова и снова. Книги – очень терпеливые учителя; они никогда не говорят, чтобы их оставили в покое или чтобы ты заткнулся. Они повторяют столько раз, сколько ты хочешь. Книги никогда не спят, они всегда бодрствуют, как океаны! И ты никогда не чувствуешь себя изгоем с книгой.

– И тем не менее вы решили стать преподавателем. Как иронично.

– Это иронично, но не так уж и сильно иронично; школы, высшие учебные заведения – это кладбища творчества везде. Я хотел и всё ещё хочу учить по-другому. Поэтому я прошу своих студентов бросить мне вызов, бросать вызов себе, своей настойчивости и упорству – и учиться. Я одобряю скептицизм, свет, который включает лишь небольшое количество людей, когда теряются во тьме.

– Вы боялись темноты?

– Только темноты сознания. Мой отец говорил мне, чтобы не боялся темноты, а я говорил ему, чтобы не боялся света!

– Вы говорили это ребёнком?

– Да, просто меняя слова. Но я не полностью осознавал, что говорил.

Мы переходим к моей учёбе в аспирантуре в США и изучению электротехники.

– У меня всё прекрасно получалось с теорией, – говорю я. – Но в лаборатории у меня не получалось ничего – мне было неинтересно, я был некомпетентен. Тем не менее, я обожаю уравнения Максвелла, электромагнитные волны и теорию электромагнитного поля. Каждый раз, когда я смотрю телевизор или слушаю радио, мне кажется, что Максвелл несёт электромагнитные волны мне на своей спине.

– Почему вы изучали электротехнику, если она вам не нравилась?

– Это был, так сказать, «договорной брак». Директор средней школы, в которой я учился, приложил усилия, чтобы убедить меня:

Ирану нужны технологи, а не поэты. Я хотел, чтобы Иран был первым во всём. Да, мне внушили определённые идеи, чтобы я стал националистом – даже шовинистом. Нам промывали мозги Богом, шахом и страной.

Затем я рассказываю ей о своей учёбе в аспирантуре Колумбийского Университета, где занимался экономикой, а потом, как это всё привело меня к преподавательской деятель-

ности. Она резко меняет тему.

– Что происходило, когда вы бунтовали в школе? Вас наказывали родители или учителя?

– Нет, я не помню, чтобы меня вообще кто-либо наказывал, пока я не приехал сюда.

– Вы считаете, что я вас наказываю, доктор Пируз? – Она сильно хмурится.

– Нет, нет, не вы, доктор Пуччини. Меня наказывает Америка.

– За что? Каким образом?

Я не могу сдержаться. Я начинаю тираду, которую все, кто меня знает, слышали много раз.

– Несмотря на все добродетели Америки, временами жизнь в Америке является для меня наказанием. Я чувствую, что мои коллеги считают меня маргиналом за мои нетрадиционные взгляды и характер. Я ощущаю, что меня утомляет и опустошает культура, которая искушает меня свободой, а затем отвергает меня, если я пользуюсь своей свободой. Я чувствую себя нежеланным, даже если люди всегда говорят мне, как счастливы меня видеть. Я чувствую угрозу, даже если люди всегда предлагают помощь. Я постоянно чувствую себя иностранцем, я чувствую своё отличие от других, я даже придумал слово «иммигрантство» для описания того, что бурлит во мне. Временами я чувствую себя, как запутавшийся поток воды, который ищет путь к морю, одновременно разрушая всё на пути, на котором ведёт по-

иск. Я должен постоянно толковать свою личность, свою индивидуальность, словно я – это текст на санскрите, который нужно объяснить на английском. Я должен толковать и объясняться, как только говорю «здравствуйте» со своим акцентом, в особенности, если я критикую США. Они думают, что я должен быть очень счастлив от того, что нахожусь здесь. Как я смею критиковать дом, в котором меня приняли? Они меня спрашивают, почему я остаюсь здесь. Я отвечаю, что Америке нужно много зеркал, а я – одно такое зеркало!

Она прекращает попытки записывать каждое слово.

– Эти чувства усилились в последнее время?

– Да, немного. Думаю, что из-за усиления забывчивости.

Достаточно трудно себя узнать, даже пока я всё ещё могу себя узнавать. Что случится, когда я стану незнакомым самому себе – когда однажды утром увижу персидского козла, смотрящего на меня из зеркала? Мой разум превратился в улей опасений и страхов. Я уже побывал в одном заведении для жертв приобретённого слабоумия, чтобы, так сказать, побывать в своём будущем, в своём последнем доме.

– Вы там были? Правда? А как вы туда попали? Вы же должны были указать причину.

Она смотрит сквозь меня.

– Я сказал, что пишу книгу, и обещал не называть никаких фамилий, – шепчу я в ответ, словно мне следует чувствовать себя виноватым.

– Какая находчивость! Но в этом не было необходимо-

сти, – качает она головой. – А как насчёт ежедневной рутины? Как вы справляетесь? Как выглядит ваш письменный стол в кабинете?

– На нём бардак. Мой стол напоминает разум поставленного в тупик Бога после того, как Он изобрёл человека, и одновременно поражённого, когда увидел человека и задумался, зачем Он потратил шестой день.

Я говорю это в надежде, что она засмеётся. Но она просто улыбается.

– Вы когда-нибудь забываете о совещаниях на факультете?

– Поскольку никто меня не слушает, а я сам тоже никого не слушаю, то зачем ходить?

– Вы забываете о совещаниях? Или вы их пропускаете, потому что сознательно не хотите на них присутствовать? – Она говорит это таким тоном, словно хочет сказать: «Просто отвечайте на вопросы».

– Я помечаю даты в ежедневнике, но потом забываю проверить.

– Вы забываете фамилии студентов?

– А вам доводилось забывать фамилии студентов или пациентов? – отвечаю я.

Наконец мне удаётся получить лёгкий смешок в виде ответа.

– Будем считать, что вы ответили «да», – говорит она.

Затем она переходит к другому вопросу.

– Судя по вашим ответам в заполненной вами анкете, вы не курите, не употребляете алкоголь и наркотики, как разрешённые, так и не разрешённые. Так?

– Да, я заполнил анкету. Мои единственные демоны – это кофе «эспрессо» и шоколад, – говорю я. – И иногда несколько глотков вина на вечеринках, только в целях общения, – добавляю я.

– Это и мои демоны! – Она снова удивляет меня информацией о себе.

Я уже расслабился. Я задумываюсь, зачем ей пытаться расслабить меня ещё больше.

– Вы потеете по ночам? Храпите? У вас поднимается температура? Вы потеряли или набрали вес? Чувствуете сильную сонливость?

– Нет на все вопросы, кроме, может, храпа.

– Значит, храпите?

Я начинаю нервничать от этого вопроса. Ни один мужчина не захочет признаваться в этом недостатке красивой женщине.

– Не часто, но пару раз достаточно громко, чтобы проснуться.

– Вы находитесь в состоянии сильного стресса?

– Не больше обычного для меня.

Я волнуюсь – точен ли мой ответ?

Она идёт дальше:

– Как со здоровьем у двух ваших младших братьев?

– Думаю, что всё в норме для их возраста.

– Вы утверждаете, что ваш дед умер от болезни Альцгеймера.

– Он умер от амнезии и паралича, как мне говорили.

– Я вижу, что вашего отца нет в живых. От чего он умер?

– От неоперабельной кровоточащей язвы.

– Сколько лет вашей матери?

– Шестьдесят два.

– Вероятно, она была совсем юной, когда родила вас. У неё сейчас есть какие-нибудь проблемы с памятью?

– Она чувствует себя гораздо лучше меня.

– Вам сейчас сорок восемь?

– По документам. На самом деле сорок шесть.

Я вижу непонимание в её глазах и поясняю.

– Иранские отцы иногда записывают неправильную дату рождения в случае своих предположительно гениальных детей, чтобы отправить их в школу года на два раньше. Но это может привести к неожиданным неприятным последствиям, если ребёнку не удастся легко настроиться на обучение в раннем возрасте.

– Очевидно, что в вашем случае таких неприятных последствий не возникло.

– Нет, но и слишком приятных тоже.

Она улыбается, затем задаёт мне ещё несколько вопросов о возможных заболеваниях, которых у меня нет, затем просит меня перейти в другую часть кабинета для осмотра и

сесть на диагностический стол.

– Повторите три слова, которые я назову. Я хочу проверить, останутся ли они у вас в памяти. Пенни. Яблоко. Стол.

– Пенни. Яблоко. Стол, – повторяю я.

– А теперь произнесите слово «мир» по буквам задом наперед.

У меня проблемы с написанием на английском языке, но получается выполнить задание.

– Высуньте язык, плотно закройте глаза, но вначале поднимите левую руку.

– Как? Язык должен быть высунут до...

– Конечно, это кажется вам странным и противоречащим здравому смыслу, – отвечает она серьёзным тоном, словно пытается мне сказать: не утруждайтесь задавать вопросы о моих вопросах. Затем она смягчается:

– Вы помните ситком «МЭШ»⁷, который показывали по телевизору? То место, что герои пытаются воспользоваться распылителем? В инструкции к нему сказано: «Перережьте красный провод, но вначале перережьте синий провод».

Я поднимаю левую руку, высовываю язык и плотно закрываю глаза. Затем подглядываю за ней, чтобы посмотреть, забавляет ли её моя игривость. Забавляет, но совсем чуть-чуть.

– Руки вверх, ладонями ко мне, – приказывает она. – Пальцы вверх, держите их прямо.

---

⁷ Имеется в виду американский телесериал «Чёртова служба в госпитале МЭШ» о трёх армейских докторях.

Затем она берёт меня за руку и давит на мой большой палец, отводя его назад, затем на другие пальцы, чтобы проверить, насколько мне хватит сил удерживать их прямо. Я чувствую дрожь где-то в глубине и задумываюсь, чувствует ли она её. Её прикосновение возрождает меня к жизни. Я чувствую себя неудобно, но мне радостно.

– Осмотр почти закончен, – заверяет она меня.

Теперь она проверяет мои рефлексy и даже циркуляцию крови в лодыжках.

– Вы получаете удовольствие от преподавания? – спрашивает она во время работы.

– Конечно. Конечно, – говорю я, словно отмахиваюсь.

Она отвечает на мою амбивалентность вопросом:

– Вы предпочли бы заниматься чем-то другим?

– Да, я хотел бы меньше заниматься преподавательской работой, чтобы можно было больше заниматься исследованиями.

– А исследованием каких тем вы занимаетесь?

– Я много читаю по неврологии и делаю записи, если это можно назвать исследованием.

– Вы изучаете неврологию? Поразительно! Вы пытаетесь мне грубо льстить?

– Уж кем я точно не являюсь, так это льстецом. Именно поэтому я в немилости у декана. В неврологию меня потянуло любопытство, а страх перед потерей памяти с силой толкнул туда. Меня интересуют строение и функции мозга, его

трансформация в разум, сознание, любопытство и так далее.

Полсекунды мы смотрим друг на друга не как врач и пациент, а как мужчина и женщина. В то время как мои глаза готовы продолжать смотреть ещё много таких полсекунд, целую вечность, её взгляд возвращается к бланкам на дощечке.

– Почему вы думаете, что страдаете от синдрома дефицита внимания?

– Я схожу с ума, когда вынужден слушать и слушать. Во время совещаний на факультете я испытываю нетерпение, беспокойство, мне хочется перебивать. Я чувствую себя очень виноватым из-за этого.

– Это я заметила, но не ваше чувство вины!

Мы оба смеёмся.

– Я стараюсь сделать всё, что только возможно в данном случае, доктор Пуччини. Но разве вы не сказали мне совсем недавно, что осмотр почти закончен?

Наконец она улыбается мне, эта улыбка скорее сочувствующая, чем профессиональная.

– Мы это говорим детям, чтобы они лучше переносили долгие осмотры. Я надеялась, что этот метод работает и в вашем случае.

Затем она смеётся – и заставляет меня тоже рассмеяться. Она проверяет мой слух с помощью камертона.

– А теперь я проверю ваш оптический нерв – ворота в ваш мозг. Глаза подобны двум маленьким мозгам. Клетки сетчатки – это нейроны. Глаза не могут оставаться неподвижными.

Они двигаются, как клетки у вас в мозге.

Она берёт мой подбородок большим и указательным пальцами, поворачивает моё лицо таким образом, чтобы мои глаза оказались на одном уровне с её собственными.

– Если вы заглядываете мне в сознание, то как насчёт права на тайну частной жизни? – спрашиваю я.

– В этом кабинете, со мной, вашим врачом, у вас нет права на тайны частной жизни, доктор Пируз. – Она хитро улыбается и добавляет: – Я – ваш врач. Вы спокойно можете раскрыть мне свои тайны!

Её слова «со мной» эхом отдаются у меня в голове. Я больше не помню, зачем я здесь. Я полностью очарован, поглощён этим существом, которое кажется врачом. Её дерзость укротила меня и заставила меня ощущать себя беззубым цирковым тигром, который выступает на пустой арене.

Она повторно постукивает меня по лбу. Мои глаза прекращают мигать после нескольких повторов.

– Хорошо, – говорит она, показывая, что осмотр закончен.

– И каков будет вердикт, доктор Пуччини?

Она встаёт и обнимает свою дощечку с зажимом обеими руками, как школьницы иногда держат учебники.

– Доктор Рутковский посмотрит результаты и, возможно, рекомендует какие-то дополнительные тесты. А пока попытайтесь не волноваться.

Я соскальзываю с диагностического стола и иду за ней к двери.

– Можно задать ещё один вопрос, пока вы меня не выгнали, доктор Пуччини?

– Конечно.

– Я не слишком молод для амнезии или болезни Альцгеймера?

– Вообще-то рановато, – говорит она. – Но это случается. Моя мать этим страдает, а она всего на несколько лет старше вас.

– Мне очень жаль.

Она открывает дверь, показывая, что моё сочувствие её не интересует.

– Пожалуйста, не делайте никаких необоснованных выводов насчёт себя, доктор Пируз.

– Спасибо, доктор Пуччини.

Она исчезает в коридоре. Затем она снова появляется и вручает мне свою визитку.

– Пошлите мне то стихотворение про Хемингуэя. Мне хотелось бы его прочитать. Мне он тоже нравится.

Уже из дома я отправляю своё стихотворение «Папаша Хемингуэй в Персии» по электронной почте доктору Пуччини.

Приветствие протянутой ладони,

И на персидском пара первых фраз:

В его руке моя ладошка тонет.

Мой бог! – Я с ним знакомлюсь в первый раз.

Я с детства полюбил его героев,

В его рассказе слыша чаек крик,
Я был мальчишкой там где жили двое —
Старик и море. Рыба и старик.
И в памяти остался ясный след
Его рассказа из любимой книжки,
Но время шло, и «Папы» больше нет,
И я уже давно не тот мальчишка.

В конце своих скитаний, наяву,
В Америку без паруса и флага
Через огромный океан плыву,
Как в нём когда-то плыл старик Сантьяго.
Спрошу себя – «Кто этот человек»?
И кем он был – далёкий бог из детства,
Который мог вперёд на целый век
Оставить нам, советуя, в наследство
Секретов скрытых до своей поры
Волнующие тайны мирозданья?

И, приняв честно правила игры,
Он в жизнь явился как на поле брани.
И как его ни искушал наш мир,
Звериный зов скрывая ярким глянцем,
В полях иллюзий с реками крови
Он вместе с ним кружил в смертельном танце.
И с миром вёл жестокую игру,
А за рядами строчек на бумаге
Он отражал свою любовь к нему —
К боям быков или к собачьей драке,

К любимым женщинам мог и на гору взлезть,
Любил охоту, в Африке – сафари,
Любил хороший виски и поесть
И посидеть за выпивкой в Гаване.
Он мог по скалам вверх взлететь легко,
И, стоя высоко на горной крыше,
Он, этот мир постигнув глубоко,
Свой дух над жизнью поднимал всё выше.
Он жил любовью, честью дорожил,
И, отвергая в жизни искушенье,
Ценил свободу и свободой жил
И продолжал вести своё сраженье.

Он знал, как надо было жить любя,
Как дух свободы в этой жизни нужен,
И ради жизни раскрывал себя,
Буквально вывернув себя наружу.
Не он ли шёл в атаку на штыки?
И проходил через огонь и трубы...

И тело разрывали на куски
Война и острые акульи зубы.
И Папа выворачивал себя:
Сомнения его одолевали,
И, истины простые не любя,
Его потом в ответ не раз клевали.

Но Папа был приманкой и крючком,
Он был повсюду и в любой детали

И парусом, и в море ветерком,
И рыбаком, которого все знали.
Я, как и он, во все вживался роли,
Когда его я открывал по книжкам,
И, как и он, был «Стариком и морем»,
Крючком, приманкой, морем и мальчишкой.

И думаю, что Папа понимал,
Что сам он был и рыбой, и акулой,
Он каждой вещи облик принимал,
С которой сама жизнь его столкнула.
Он в каждой вещи сутью был изложен,
Ведь жизнь – как море – спит, а в ней
Пусть человека можно уничтожить,
Но не такого, как Хемингуэй.
Я путь искал и выбрал вместо смерти
Побег. Но если я ещё живой,
Могу вернуться, как и он, поверьте,
Бороться в этой схватке роковой.
И я готов к борьбе без сантиментов,
Но убивать не ради развлечений!
Я говорю и думаю с акцентом,
Но Папа избавляет от сомнений:
Он говорит – что я, как он, такой же,
И сам себе своей судьбы хозяин,
И у него акцент, конечно, тоже,
Но у него он был универсален.

Ты настрадался – и в ответ мне, что ли,

Страдал я много, – отвечал старик.
Но нет уже того значенья в боли,
Когда мужчина в жизни к ней привык.
Кто не имел надежду – прожил глупо,
Не чувствуя, как этот мир велик.

И помолчав, старик промолвил глухо:
– Ты слишком много думаешь, – старик!
Теперь и я смотрю на то же море,
На звёзды, что касались Папы глаз...
Теперь мне не обняться с ним, вот горе,
Как в детстве по-персидски, в первый раз.
Я чувствую, как кратко жизни время,
Её печаль и радости богов.

Что жизнь даёт? Иллюзий бремя,
Иль избавляет тайны от оков?
Кто знает, что почувствуешь при этом?
Какой стезёй придётся к ним идти?
И, в неизвестность поманив по следу,
Мерцает будущее на моём пути.

Теперь я живу один, но это не означает, что я должен есть, как одинокий мужчина. Я делаю себе салат из свежих овощей, в нём много зелёных овощей, выращенных без химических удобрений, помидоры и перец, пророщенные соевые бобы и сладкий лук. Я посыпаю всё это турецким горохом, кунжутом и семенами льна. Потом я всё заправляю свежесы-

жатым лимонным соком, оливковым маслом и маслом орегано. Мы едим и нашими ушами. Звуки, которые получаются при жевании, усиливают вкус. Я жарю на гриле свежего лосося и поливаю его лимонным соком, выжимая лимон прямо на него, посыпаю укропом и эстрагоном. Я зажигаю свечи на обеденном столе. Я подавляю искушение посмотреть что-то по каналу Си-Эн-Эн, вместо этого слушаю отличный джаз по радио и пирую. Я напоминаю себе, что завтра нужно сходить в спортзал. Силовые тренировки, когда занимаешься с железом, меня успокаивают.

Убирая со стола, я возвращаюсь к мысли, которая не оставляет меня с тех пор, как появилась рассеянность. Пора написать поэму-наследие – до того, как я полностью сойду с ума. В ней я опишу состояние человека на примере одного человека и историю возникновения жизни на Земле, которая включает современные знания, в отличие от сказок в священных книгах.

Большее количество людей должно говорить другим о том, что они обнаружили в этом мире, отличающееся от того, что они хотели найти, и чего они добились, чтобы сделать одно и другое ближе. Каждому человеку дано столько-то ударов сердца, но человечество может существовать на протяжении несчётного количества ударов сердец бытия. Таким образом, для *человеческого предприятия* невообразимое сегодня может стать возможным завтра.

Мне хочется пригласить гостей в своё сознание, чтобы

они увидели мою правду, мир по моим представлениям – этой не имеющей значения потерянной души, меня. Истина – это самая любопытная вещь, независимо от того, предлагают ли её священные книги, наука, настоящие стихи, или ты случайно на неё натыкаешься! Нетривиальная истина интересна, потому что никто никогда в ней не уверен, даже если держит её в руках. Ещё любопытнее то, что даже когда человек уверен в том, что знает истину, ему приходится тратить огромное количество времени на то, чтобы убедить других. О, как прекрасна и сложна эта госпожа истина! О, как сложно сохранение истины, которая требует постоянного ухода!

Я спрашиваю Истину:

– Ваше величество, почему вы прячетесь, почему вам нужно быть такой сложной, такой иллюзорной, почти подобной Богу? Кто сделал вас такой и почему?

Я не получаю ответа. Истина молчит, как небо, по крайней мере, для нашего невооружённого глаза и для нашего уха. Человек найдёт тебя, истина! Подожди!

Я проверяю электронную почту. Доктор Пуччини благодарит меня за стихотворение и подписывает письмо «Джультетта».

Мне нравится её неофициальность. Я открываю новый файл, и мои пальцы зависают над клавиатурой. Мне в голову приходят идеи насчёт поэмы-наследия, но мысль о том, как её начать, не приходит. Начало – это самая трудная часть создания. Посмотрите, что создал Бог, когда торопился в на-

чале. Вместо этого я позволяю другому стихотворению, без названия, вылиться из меня. Я боюсь, что мои исчезающие нейроны могут саботировать мои расцветающие чувства к Джульетте. Она меня спасёт?

Дурное настроенье неотрывно,
Как хищный зверь, косится на меня.
Весна пылью цветочной агрессивно
В меня стреляет, в мир иной гоня.
Туда, где нет ни боли, ни страданий,
Искусственные чувства и мечты,
И свет от ламп внутри стеклянных зданий,
И без пылицы из пластика цветы.

Её глаза представить я стараюсь,
И для меня их взгляд как камертон:
Отчаянно с любовью улыбаюсь,
Как пластиковый розовый бутон.
Страх не узнать себя... и в отраженьи
Как будто сам себе я незнаком,
Я вижу всех надежд моих крушеньё
О стены из надгробий... Но в каком
Обличии я в будущем предстану? —
Я в зеркалах ищу ответы на вопрос,
Увы, с какой я стороны ни встану,
Я вижу только свой огромный нос.
Стихами сплёл я сам себе верёвку,
Повешусь на которой, весь в слезах,
Ловя прохожих взгляды и издёвку

В красивых их искусственных глазах.
Но всё же в моей жизни есть Джульетта,
Её любовью чистой излечусь,
Мне суфии подсказывают это,
У них любви божественной учусь.

Я краду название у гораздо лучшего поэта, чем я, и немного его изменяю – «Зовись иначе как-нибудь, Пируз»⁸.

---

⁸ Имеется в виду Шекспир, фраза из «Ромео и Джульетты» – «Зовись иначе как-нибудь, Ромео».

Глава 3

Джульетта Пуччини

Да, я не смог попасть к известному неврологу доктору Питеру Рутковскому. Но вместо этого я встретился с чудом. Доктор Джульетта Пуччини – поразительная женщина, такая молодая и одновременно такая зрелая и опытная, словно лично наблюдала за эволюцией человеческого разума! Я преувеличиваю? Я испытываю искушение переметнуться от Рутковского к ней.

– Нет, нет, – говорю я себе. – Тебе нужен врач с большим клиническим опытом, а не врач, которую ты хочешь как женщину. Не надо смешивать желание со здоровьем, Пируз. Кроме того, Рутковский – это человек с акцентом, как и ты. Он сможет лучше тебя понять.

Я всё ещё продолжаю думать, что, по крайней мере, один раз в прошлом видел Джульетту. Но, несмотря на все мои усилия, я никак не могу вспомнить, когда и где. Я расстраиваюсь, как когда забываю имена и фамилии людей, названия трав или галактик и всего, что находится между ними. Моя рассеянность усиливается? Мой внутренний голос пытается заняться цензурой и скрыть этот факт от меня?

Может быть, раз Джульетта Пуччини не будет моим врачом, у меня есть шанс узнать её получше. Если бы она бы-

ла моим лечащим врачом, то не стала бы со мной встречаться. Кто знает, Пируз, какие подарки может тебе сделать твоя рассеянность? Синхрония – это бог тайн во Вселенной.

Её бирюзовые глаза и волосы цвета воронова крыла напоминают мне женщин северной Испании – никто не может сказать, откуда они появились, с севера или с юга. Если бы я позволил себе быть одновременно поэтом и архитектором, то я сказал бы, что доктор Джульетта Пуччини – это леса любви, в смысле – строительные леса. Я представляю возможности, которые открываются для меня с ней, и от этого чувствую себя лучше. Насколько я стал голоден до любви? Я улыбаюсь своей неуверенности. Моя неуверенность улыбается мне в ответ.

Теперь каждый день, уже на протяжении недели, я хожу обедать в факультетскую столовую в Центре имени Рузвельта, надеясь столкнуться с ней. Каждый день я думаю позвонить ей, но затем передумываю, считая, что лучше этого не делать. Смелый персидский кот превратился в испуганного персидского цыплёнка.

Наконец наступает первое апреля, национальный праздник для таких дураков, как я! Апрель – особый месяц в том смысле, что юбки становятся короче, а температура воздуха выше. Живые существа начинают дышать любовью, испытывать любовь и заниматься любовью. Хотя я вчера сжёг кастрюлю с рисом на плите, сегодня меня не очень беспокоит моя забывчивость. Доктор Пуччини сказала мне не беспоко-

иться по этому поводу. Я хочу ей верить, хочу следовать её совету, я хочу растаять у неё в объятиях. Вау, что я только что почувствовал! Вау, что я только что сказал! Я сам себе не верю.

В любом случае, сейчас 11:30, и мой живот думает о том, как бы перекусить. Бутерброд с сыром и яблоко лежат на моём письменном столе в коричневом пакете и улыбаются мне.

Звонит телефон и выводит меня из мечтательного состояния.

– Доктор Пируз? Это Джульетта Пуччини.

– Да, я вас узнал. Я не забыл ваш голос.

– Я же сказала вам, чтобы не беспокоились о своей забывчивости. Помните?

– Я помню, что должен не беспокоиться насчёт забывчивости. Но боюсь, что я всё ещё беспокоюсь, но меньше, чем раньше, благодаря вам.

– И так и продолжайте!

Затем она переходит к цели звонка.

– Я направляюсь в Центр имени Рузвельта пообедать. Не хотите ко мне присоединиться? Предметом обсуждения будет ваша новая любовь, неврология. У меня для вас есть кое-какие новости.

Её выражение «ваша новая любовь» будто источает запах роз.

Я бросаю пакет с обедом в мусорную корзину, говорю: «Прости», затем спешу в мужской туалет, чтобы немного

привести себя в порядок. Я в шоке от того, что вижу в зеркале. На мне зелёные вельветовые штаны, голубая рубашка, чёрные носки и коричневые ботинки. Ничто не сочетается. В те дни, когда я обращаю внимание на то, во что одеваюсь, ничего не происходит. А когда это имеет значение, я выгляжу так, будто меня одевало торнадо, не различающее цветов. Я умываю лицо, поправляю берет и выбегаю на улицу. «Предметом обсуждения будет ваша новая любовь», – слышу я, будто эта фраза – песня о любви.

Несясь по тротуару, я чувствую себя виноватым. Я не всё рассказал в клинике. Я не хотел, чтобы у неё сложилось самое худшее представление о моей семье или обо мне самом. У моей матери было несколько припадков за два года до моего рождения. Она вышла замуж в тринадцать лет, или, если быть более точным, её родители устроили этот брак и она должна была выйти замуж в тринадцать. Но её состояние улучшилось после моего рождения. Мой младший брат не говорил до четырёх лет, но затем развитие пошло ускоренными темпами, и он везде получал высшие баллы, потом получил несколько дипломов, включая по французской литературе в Колумбийском Университете. Другой брат, хотя и психолог, имел проблемы с алкоголем, а теперь у него начальная стадия диабета. У меня аллергия на многие вещи и бронхиальная астма. Я ничего из этого не сказал Джульетте. Думаю, что селективная память – это первое убежище беспокойного разума.

Мне нужно теперь признаться ей в этой самоцензуре? В конце концов, она имеет право на всю правду. Как я могу начинать искренние отношения с ней, если начинаю с обмана? Или открывать правду постепенно – нормально? Пусть капает капельками, как вода из крана.

«Боже праведный! Ты создал потенциал для обмана, потому что это необходимо – как необходима сила тяжести – чтобы держать людей на Земле? В соответствии с Твоим творением, хищники маскируются, чтобы ловить дичь, и не испытывают чувства вины. Но почему Ты, Всемогущий, сделал человеческий разум центром вины Вселенной за то же самое – обман других?» Чёрт побери, мои утайки от Джульетты вырастают в чудовище внутри меня? Как глупые атомы, которые составляют глупые молекулы, которые, в свою очередь, составляют нейроны у меня в мозге, начинают чувствовать себя такими виноватыми, но тем не менее так болезненно желать Джульетту? Это просто пытка!

В Центре имени Рузвельта я пробираюсь сквозь толпы студентов и коллег-преподавателей. Почему-то они тут все собрались, двигаются медленно и вроде запутались, словно слонята с завязанными глазами. Я поднимаюсь по закруглённой лестнице на второй этаж, где находится факультетская столовая. Джульетта меня ждёт. Она машет мне рукой. Она сидит за столиком у окна, выходящего на пешеходную дорожку внутри университетского городка. Мы обмениваемся приветствиями и ничего не значащими фразами, которые я

не смог бы вспомнить, если бы к моим пальцам на ногах приставили паяльную лампу. Я слишком возбуждён для чего-то такого обыденного, как запоминание. На Джульетте голубая шёлковая блузка и белая юбка. Волосы свободно падают на плечи, как таинственная летняя ночь опускается на древний город Самарканд.

Подходит официантка. Джульетта заказывает салат с курицей. Я заказываю вегетарианский салат. Я также заказываю нам обоим по бокалу вина, которое подают в розлив. Я не хочу показаться дураком. Я прячусь за нашими деловыми отношениями.

– Вы сказали по телефону, что предметом нашей встречи будет моя новая любовь – неврология.

– Да, я организую семинар по связи мозга и разума. Я подумала, что для вас может быть интересно в нём поучаствовать.

– Для меня?

– Всегда неплохо иметь человека со стороны, чтобы связать происходящее внутри разума с реальностью и обществом за его пределами. Вы можете стать испытателем, проверяющим – проверять, как социальные проблемы могут воздействовать на душевные проблемы, вызывать их или в целом быть с ними связанными.

– Надеюсь, что это не то, что дегустаторы блюд у старых королей, которые их пробовали перед подачей. Они все умерли молодыми.

Джульетта не обращает внимания на мою нервную шутку и продолжает обосновывать моё участие.

– Доктор Оул Хочипилли из Йельского Университета согласился вести семинар вместе с доктором Рутковским. Это здорово.

Йельский Университет или не Йельский Университет, меня охватывает страх от того, что шесть дней придётся слушать человека, у которого акцент ещё хуже, чем у меня.

– Оул – это же «сова» по-английски.

– И пишется точно так же.

– А Хочипилли или как там его? Это итальянская фамилия?

– Нет, он – индеец из племени апачей, из Аризоны. – Она объясняет, что его настоящее имя – Ричард Оул Ван Де Веерт, и он – правнук индейской женщины и голландского миссионера. Он был хиппи в конце шестидесятых, учился в Стэнфордском Университете, и ещё тогда официально поменял фамилию на Хочипилли, в честь бога цветов, танцев и любви у ацтеков. Он – старый друг доктора Рутковского. И лучший специалист по когнитивистике. Сейчас он в годичном отпуске, который даётся для научной работы. – Джульетта также рассказывает мне и о других: – Там будет специалист по этике, она же – философ, кибернетик, специалист по физической химии и три аспиранта, которые пишут диссертации по неврологии.

Внезапно мне становится интересно.

– А вы? – Затем я размышляю вслух: – Вы уверены, что вам нужен на вашем семинаре такой мечтатель, как я, который ещё и спит с открытыми глазами?

– Я буду сидеть рядом с вами. Я не дам вам спать! – Джульетта смотрит на меня, словно спрашивает: «Что ещё?»

Приносят наше вино. Затем – наши салаты и корзинку со свежей выпечкой. Пока мы едим, она рассказывает об обширном инсульте, от которого её отец умер два года назад. Внезапно её глаза становятся самым грустным небом, которое я когда-либо видел. Как и Джульетта, её отец, Дэвид Пуччини, был неврологом. Она рассказывает мне, что они были очень близки, настоящими друзьями, они вместе играли в теннис и вели яростные дебаты по вопросам, связанным с неврологией. Разница в возрасте не мешала их дружбе. Джульетта также рассказывает подробнее про свою мать, Лиз Пуччини. Она страдает от недиагностируемого слабоумия, возможно, это болезнь Альцгеймера. Её кратковременная память ухудшается, и из-за этого она не может жить одна. Когда исполнился год после смерти её мужа, отца Джульетты, дочь перевезла её в интернат для проживания престарелых людей с особыми потребностями, расположенный недалеко от квартиры Джульетты. Из-за того, что у Джульетты очень напряжённый график, она не может заботиться о матери дома. Она говорит, что навещает её почти каждый день, но всё равно чувствует себя виноватой, считая, что этого недостаточно. Затем она колеблется и признаётся:

– Я никогда ни перед кем не раскрывалась так быстро, Пируз. В чём ваш секрет?

– Возраст. Вспомните, вы с отцом тоже были друзьями.

– Вы не такой старый. Давайте, Пируз, раскрывайте свою тайну.

– Изначально Бог думал сделать меня губкой. Затем он передумал и сделал меня обезьяной с большими ушами.

– Атеист говорит о Боге?

– Откуда вы узнали про мой атеизм?

– Я умею читать!

– В любом случае, Бог или принадлежит всем, или не принадлежит никому, – говорю я.

Джульетта продолжает убеждать меня принять участие в семинаре по мозгу и разуму. Я продолжаю сопротивляться. Но я соглашаюсь предоставить ей своё резюме, обещая, что «если доктор Рутковский и бог ацтеков всё ещё захотят, чтобы я участвовал после того, как увидят, насколько я непригоден с точки зрения неврологии, то тогда уж я создам неудобство своим присутствием».

Теперь мы с Джульеттой идём рядышком по территории университетского городка к моему кабинету в Олин-Холле, я обещал, что там дам ей своё резюме.

Она предлагает мне пососать «М & М», я с благодарностью отказываюсь.

На всём пути я борюсь со своим желанием протянуть руку и взять её руку в свою. Я придерживаю ей дверь и слегка

касаюсь её плеча, когда она заходит внутрь. Здание кажется покинутым. Студенты находятся в аудиториях или на улице, ловят лучи холодного солнца. Я чувствую, что призраки отдыхают у белых стен. Я здороваюсь со студентом. Мы заворачиваем за угол к моему кабинету.

Замочной скважине не нравится ключ, который я в неё вставляю. Я немного смущаюсь, но нахожу нужный ключ.

– Джульетта, пожалуйста, закройте глаза, – приказываю я. – Для вашего же блага.

– Вы мне уже говорили про бардак на вашем столе и сравнивали его с тем, что творилось в сознании у Бога.

– Я очень сильно приуменьшил реальное положение вещей. Следовало сравнить с Дрезденом после бессмысленной бомбардировки британцами. Так что, пожалуйста, сделайте мне одолжение – не смотрите!

Она неохотно подчиняется, причём очень странно улыбаясь. Я беру её за руку и веду внутрь. Я чувствую внутри себя приятную дрожь, и её рука тоже подрагивает. Я ставлю её перед письменным столом, а сам тем временем копаюсь в своём бардаке. Наконец я нахожу то, что ищу, – старый экземпляр своего резюме.

Я чувствую невыносимое желание протянуть руку через стол и коснуться её волос. Я сдаюсь на волю этому желанию и провожу кончиками пальцев сверху вниз по прядям, которые, в свою очередь, гладят её щёку. Это напоминает ар-

педжио⁹ на арфе. Я надеюсь, что она не заметит моего прикосновения. Я чувствую, что мой дом – везде, и помню каждую красивую вещь, которую хочу запомнить, как, например, слова Руми¹⁰: «Любовь – это лучшее лекарство».

– Нехорошо обманывать слепую девушку и пользоваться её слепотой, – шепчет она.

– Теперь вы – моя пленница – как я был вашим пленником у вас в кабинете, и я прошу ответить мне любезностью на любезность – в некотором роде.

– У меня глаза закрыты. Вам нужно ещё и наручники на меня надеть, чтобы меня осмотреть?

Я покатываюсь со смеху.

– Нет, нет, никаких извращений и вывертов здесь не будет! Хорошо, Джульетта, вы можете открыть глаза и посмотреть на мой бардак! Вы многое узнали о моём детстве; а теперь я хочу узнать больше о вашем! Я хочу быть *большеосведомлённым!*

– Ну и словечки вы придумываете! Пополняете словарный состав английского языка? Добавляете свои изюминки, Пируз?

– Почему бы не обеспечить равной возможностью создавать слова всех, включая тех, кто говорит с акцентом?

– Мне сложно говорить о себе, Пируз. Но я тоже считаю,

---

⁹ Арпеджио – исполнение звуков аккорда последовательно, как правило, начиная с нижнего тона при игре на арфе, фортепиано и других инструментах.

¹⁰ Руми Джалаледдин – персоязычный поэт-суфий.

что любезностью надо отвечать на любезность, и верю во взаимность. Я отправлю вам по электронной почте моё резюме о моём детстве. Хорошо?

– Хорошо. Но у меня всё равно могут возникнуть вопросы.

– Договорились. Это если моё письмо вас не оттолкнет.

– И не надейтесь, Джульетта!

Я вручаю ей своё резюме. Она позволяет мне проводить её до лестницы. Она протягивает руку.

– Спасибо за обед и *дардэдель*, – говорит она. Она приносит слово «дардэдель» идеально, как будто это она придумала весь персидский язык.

На полпути вниз по лестнице она поднимает голову и кричит мне:

– Мне понравилось ваше стихотворение, Пируз! Оно показало мне многое о человеке, которого я хочу узнать.

– О котором? – спрашиваю я. – Папаше Хэме или Пирузе?

Она не отвечает. Она просто смеётся так, словно её одурманило принесённым ветром опиумным маком, и исчезает внизу лестницы.

Я возвращаюсь в кабинет, вешаю на дверь табличку «Не беспокоить» – она старая и помятая. Я ложусь на диванчик и закрываю глаза. Я пытаюсь подремать. В голове у меня звучит «Арабский танец» Чайковского¹¹, исполняемый на гитаре. Мы с Элизабет Андерсон обычно слушали эту вещь, лё-

---

¹¹ «Арабский танец» из балета «Щелкунчик».

жа в объятиях друг друга.

Элизабет была моей первой любовью. Я всего несколько недель назад приехал в Америку. Наверное, ни один первокурсник не пребывал в таком замешательстве и не был так ошарашен, как я. В паспорте у меня было указано, что мне восемнадцать лет, на самом деле мне ещё не исполнилось шестнадцати. Мы с Элизабет учились на первом курсе, но я был на два с лишним года младше её, к тому же я рос в окружении исламской культуры, а поэтому был довольно наивным. Она взяла меня за руку и отвела в сад секса и любви. Этот сад не описать словами ни одного языка, потому что реальность бесконечна и вечна, а язык конечен и явление временное, а любовь совсем не такая чёткая и определённая, как логика!

Я познакомился с ней, когда встал в очередь, чтобы зарегистрироваться на свой первый осенний семестр. Чуть ли не всё, что я делал в те дни, я делал впервые в жизни. Повторение и скука, от которой плавятся кости, в Новом Свете пришли позднее.

Но когда я познакомился с Элизабет, всё казалось новым, как в первые дни после сотворения мира, словно я был Адамом, а она Евой. Наши взгляды встретились, наши уши услышали, а наши сознания вдохнули аромат любви. Это была сладкая, чудесная земля Эйфория, где всё, что видишь, слышишь и делаешь, как кажется, приносит счастье. Даже старый фонарь, который мигает на старой улице в тумане. Я до

сих пор ощущаю новизну и свежесть тех ощущений. О, насколько временным оказался Эдем! Большую часть времени у неё на губах играла сладострастная улыбка. Её одежда, её взгляды заставляли мужчин и даже некоторых женщин оборачиваться и снова смотреть на неё, когда она скользила с таинственной лёгкостью. Казалось, что она в большей степени состоит из света, а не воды. Счастье капало с неё, словно она обнажённой пела под разноцветным дождём.

Элизабет помогла мне зарегистрироваться на курсе. Она перевела мои труднопроизносимые персидские мысли на английский. Она представила меня своим друзьям и показала мне вещи, которые делают молодые американцы. Она объяснила мне, что когда люди говорят «Увидимся!», это совсем не значит, что они попытаются это сделать. Таким образом у меня возникло ощущение, что они раскрывают объятия, но никогда не доводят их до конца. Я теперь понимаю, что именно тогда начал декодироваться и сбрасывать с себя свою культурную кодировку – переводить себя в нового человека, чтобы приспособиться и влиться. Я также начал говорить «Увидимся», даже когда не хотел больше никогда видеть этого человека.

Жизнь эмигранта изначально представляет собой очень болезненный переход, подобный трудному рождению. Затем она превращается в хронический перевод – дело не только в переводе на язык, а в переводе мышления и поведения. Ваш мозг запрограммирован определённым образом, и за-

тем, внезапно, из-за трансатлантического перелёта, он должен быть перепрограммирован – причём когда поблизости нет никакого специалиста по компьютерам, чтобы рассказать вам, как это делать. Какие-то нейроны должны изменить полярность, словно они биполярные. Человек должен приобрести новую *внешнюю личность*, чтобы сохранить *внутреннюю самобытность*.

Элизабет так нравился мой акцент, что она обычно его копировала перед своими друзьями – чтобы показать, какого прихватила забавного иностранного парня. Тогда я был первокурсником, новичком в истинном смысле этого слова, мой разговорный английский мог бы заставить американских индейцев гордиться своим испанским при первой встрече с Христофором Колумбом. У меня было ощущение, что люди говорят на английском, держа во рту горячую картофелину. Элизабет помогла мне с английским.

Она заменила то, что я потерял, – семью, друзей, дом, и она стала тем, кого у меня никогда не было, – моей любовницей.

О да! Через несколько дней мы уже занимались любовью днём и ночью, как только появлялась возможность, как ненасытные обезьяны в древние времена! В те годы категорически запрещалось лицам не того пола находиться не в том студенческом общежитии. Поэтому мы занимались любовью в её машине, в лесах и полях, даже в пустых кинотеатрах. Половой акт был для меня в новинку. Я никак не мог насытить-

ся. Тем временем мне предстояло много о нём узнать. Она научила меня, как доставлять ей удовольствие. Мне не нужно было говорить ей, как доставить удовольствие мне. Моя радость была бесконечной. Я находился в постоянном возбуждении.

Всё, что она делала, было мне в новинку, это было приятно, а иногда бывало и пыткой. Её ласковые слова, её волшебные прикосновения, её шелковистая кожа, её взрывные крики – всё это было божественным. Даже наши заплывы наперегонки доставляли мне огромное удовольствие, хотя я никак не мог её обогнать, ну, только если она давала мне фору в несколько ярдов¹² в пятидесятиярдовом бассейне. Она хорошо плавала. На какое-то время я забыл, зачем моя семья отправила меня в Америку, и, как и следовало ожидать, это отразилось на успеваемости.

Элизабет была моей первой любовью, но, к счастью или нет, я не был её первой любовью. Однажды в октябре, после занятий любовью на куче листьев, царапавших наши тела, она призналась мне в отношениях со студентом-медиком в своём родном городе. Он был на шесть лет её старше.

– Ты всё ещё любишь его? – спросил я, не желая знать ответ.

– Я всегда была для него ребёнком.

– Для меня ты – женщина, – ответил я.

– О, я опаздываю на плавание, моим друзьям это не по-

---

¹² 1 ярд = 91,44 см.

нравится, – она сменила тему, а затем убежала, помахав мне и отправив воздушный поцелуй.

После нескольких недель медового месяца с Элизабет в нашем саду блаженства, когда мне не требовалось никуда ехать, даже к Ниагарскому водопаду для получения новых сильных впечатлений, я получил травму во время игры в футбол. Мышца на икре порвалась так, словно это была обёрточная бумага. Мне сделали операцию, но занесли инфекцию, и я несколько дней провёл в больнице. Затем я передвигался на костылях несколько недель. Если вкратце, я был не в форме – во всех планах.

Элизабет отправилась домой на День Благодарения, и целую неделю я был не только самым одиноким парнем на Земле, но и самым страдающим от неудовлетворённого желания. Каждый день ожидания её возвращения для меня был хуже, чем целый месяц Рамадан, – это был пост, воздержание от того, чего вы больше всего хотите. Затем она вернулась, но после возвращения стала другой. Она уклонялась от секса со мной. То она плохо себя чувствовала. То слишком устала. Ей сдавать зачёт на следующий день. Всегда что-то находилось. А затем, когда у нас всё-таки случился секс, всё было не так. Наши поцелуи напоминали поцелуи незнакомых людей, которые притворяются близкими друг другу. Наши поцелуи были непонятными и странными, напоминая восприятие происходящего эмигрантом в чужой для него стране.

В результате женщины стали для меня ещё более таин-

ственными. Точно так же, как небытие целую вечность ждало момента взрыва, после чего превратилось в бытие, я ждал второй искры между Элизабет и мной. Я ждал её любви, как пустыня Сонора¹³ ждёт дождя. Я не хотел её оскорбить, будучи слишком любопытным или слишком требовательным.

Говорят, что более 96 процентов Вселенной состоит из тёмной материи или тёмной энергии. Я думаю, что то же самое относится и к человеческому разуму. Мы видим, чувствуем или знаем только крошечную часть – ту часть, которая недостижимо сияет, подобно ключам, упавшим сквозь решётку канализации.

Элизабет никогда мне особо о себе не рассказывала. Я знал только то, что видел, ощущал, касался или пробовал. Когда вы одурманены первой любовью, вы не задаёте много вопросов. Вы остаётесь блаженно потерянными в раю радости и похоти.

Я должен был поехать в гости к её семье на Рождество, но этого не произошло, и Элизабет не вернулась после зимних каникул. В феврале я получил от неё письмо. Она писала, что перевелась в государственный университет рядом с домом. Она собиралась выйти замуж за студента-медика, про которого мне рассказывала. И она всегда будет меня помнить.

Второе письмо пришло в марте.

«Я знаю, что должна дать тебе более подробные объяснения. Слишком многое было против нас: не

---

¹³ Сонора – пустыня в Северной Америке, известна также как пустыня Хила.

только религия, но и культура, язык и родители. Наша страсть, независимо от того, какой сильной и красивой она была, никогда не смогла бы привести туда, куда предначертано Богом или запланировано обществом, – к браку, семье и счастью. Ребёнок, рождённый от мусульманина из Ирана и американки-католички, не смог бы получить должного воспитания, которого он или она заслуживает».

Уже тогда я подозревал – и подозреваю сейчас, – что Элизабет заставила задуматься не моя религия, а как раз отсутствие у меня религиозности. Она очень расстроилась, когда я заявил ей, что священные книги – это детские рассказы, придуманные для взрослых. Меня до сих пор поражает, как противоречащая фактам догма извращает и фальсифицирует реальность и рациональность, ставя людей и динозавров рядом в одну и ту же эпоху! Как последователи почти любой религии, независимо от того, какими странными их поверья кажутся другим, верят, что их религия – истинная или самая главная. И ещё больше я удивляюсь тому, как отдельные люди настраивают догму, чтобы соответствовала их потребностям, а не подстраиваются под догму. Они также комбинируют христианство и буддизм, или социализм, или йогу, или йогурт – или что там у них ещё есть!

Второе и последнее письмо Элизабет было довольно длинным. Она пыталась смягчить мою боль. Но я был так глубоко оскорблён, что даже теперь, тридцать лет спустя, мне больно при воспоминаниях о разрыве, словно нейро-

ны, которые их удерживают, снова лихорадит. Она была моей первой любовью, моим первым знакомством с глубиной женского тела и души. И она была моим первым любовным испытанием, опытом неопределённости любви, моей первой уязвимости в когтях любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.